

© Ульрике Хун

«Использование прогрессивных этнокультурных традиций для совершенствования социалистического образа жизни». Исследование социалистической праздничной культуры в этнографических институтах Москвы, Киева и Берлина (ГДР)

Ключевые слова: история этнографии; поздний социализм; СССР; Украина; обряды; социалистическая культура; ГДР

Комплекс социалистической обрядово-праздничной культуры был направлен как на усиление нерелигиозного компонента повседневности населения, так и на формирование «советской нации». С конца 1950-х годов в этой государственной и партийной инициативе участвовали и этнографы из разных советских республик и стран социалистического блока. На основе интервью, а также архивных материалов в статье рассматриваются мотивация, самовосприятие и опыт работы в данной сфере этнографов в различных институтах академий наук Москвы, Киева и ГДР.

Этот сравнительный взгляд показывает очень разные возможности для соответствующих исследователей. Для московских этнографов это занятие по «научному обоснованию новых советских обрядов и праздников» оказалось привлекательным лишь в конце 1950-х годов, тогда как позднее для них открылись и другие области исследований, в том числе и за пределами Советского Союза. После сокрушительного удара по украинской этнографии в 1930-е годы и жестких ограничений и прекращения новых исследовательских проектов в начале 1970-х в Академии наук УССР работало очень мало этнографов. Для этих ученых участие в распространении «советских праздников и ритуалов» оставалось одним из очень немногих доступных исследовательских проектов. Однако это вовлечение и, в частности, включение украинских этнографов в Государственную комиссию по новым праздникам и обрядам при Совете Министров УССР имело существенные последствия для их исследований.

Ульрике Хун, Университет г. Геттингена, ulrike.huhn@uni-goettingen.de, <https://orcid.org/0000-0003-1752-4073>.

Для цитирования: Хун, У. «Использование прогрессивных этнокультурных традиций для совершенствования социалистического образа жизни». Исследование социалистической праздничной культуры в этнографических институтах Москвы, Киева и Берлина (ГДР) // *Антропологии/Anthropologies*. 2022. № 2. С. 171-205, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-2/171-205>

Статья будет опубликована по-немецки в 2023 г. в: Ingrid Kreide-Damani, Sabine Imeri, Karoline Noack, Leonore Scholze-Irritz (Eds.) *Ethnologie als Ethnographie: Interdisziplinarität, Transnationalität und Netzwerke der Disziplin in der DDR*.

Введение

Внедрение «новых социалистических праздников и обрядов» в Советском Союзе представляло с собой крупный централизованный проект, который осуществлялся во всех союзных республиках с конца 1950-х годов и требовал участия многих акторов. У этой программы было два направления: во-первых, она должна была поддержать антирелигиозную кампанию, оживившуюся с конца 1958 г. при Н.С. Хрущеве, и, во-вторых, она должна была сопровождать формирование «нового человека», которое было провозглашено на внеочередном XXI съезде КПСС в начале 1959 г. (см.: *Smolkin* 2018). На том же съезде партии было объявлено о вступлении Советского Союза в «период развернутого строительства коммунизма» (см.: *Taubman* 2004: 509). Советские этнографы, наряду с учеными естественнонаучных и других гуманитарных дисциплин, были вовлечены в эти события с самого начала: сразу после внеочередного съезда КПСС Президиум Академии наук в Москве утвердил свой семилетний план и поставил перед собой задачу изучить «комплексные проблемы» на этом новом этапе развития, с целью исследования «причин сохранения религиозных пережитков и пути их преодоления»¹ (также см.: Терентьева 1960: 153f; Коган 1964). В последующие десятилетия — особенно с 1970-х годов и до конца существования Советского Союза — этнографы из академических научно-исследовательских институтов во всех союзных республиках участвовали в этих исследованиях и активно продвигали внедрение «новых социалистических праздников и обрядов». Так, этнографы составляли «рекомендации», т.е. подробные шаблоны с текстами обрядов, песен для проведения новых ритуалов и праздников. Новые праздники должны были основываться на отдельных национальных нерелигиозных традициях, укоренившихся в различных республиках и областях, но также они должны были и расширить эти традиции за счет единых советских элементов, способствуя тем самым формированию общей «советской нации». К ним относились праздники жизненного цикла, такие как социалистическое именнаяречение, социалистические свадьбы и похороны, окончание школы и призыв в армию; также было учреждено множество праздников, связанных с конкретными профессиями, таких как День учителя, День шахтера и т.д. До конца существования Советского Союза и частично даже после его распада эти праздники пользовались большой популярностью. Однако изначальная цель, создание общесоветской идентичности, не была достигнута (см.: *Kelly, Sirotinina* 2009; *Emeliantseva, Koller* 2016; *Rolf* 2016).

В ГДР ситуация была иной. Там уже в середине 1950-х годов были приняты усилия по введению новых праздников жизненного цикла, или обрядов перехода, аналогичных церковным праздникам крещения, бракосочетания и погребения, но теперь уже под эгидой социализма. Однако в отличие от Советского Союза, инициатива исходила «снизу», то есть от местных партийных функционеров. Привлечение научных учреждений к этой деятельности в ГДР произошло только в середине 1970-х годов. Были задействованы недавно созданный Центральный комитет по истории культуры и фольклору (ZFA) и кафедра этнографии в Институте истории Университета Гумбольдта (см.: *Konzeption des ZFA Kulturgeschichte/Volkskunde* 1978; *Lange* 2004).

¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 160, Л. 210–221: здесь л. 214. Постановление Президиума АН СССР от 17.04.1959 г. «О научной работе в области атеизма».

В какой степени введение «новых праздников» в Советском Союзе и ГДР было проектом, закрепленным за научными учреждениями? Какие последствия имело участие в нем научно-исследовательских институтов для повседневной исследовательской деятельности? Какую роль сыграли ученые в формировании «новых праздников и обрядов»? Каковы были их представления о себе и их мотивы? Что это означало для них тогда и что значит сейчас? Кем являлись ключевые действующие лица и инстанции, каковы были отношения между государственными и партийными властями и научными учреждениями? И как происходил обмен между «братскими социалистическими государствами»? Какие каналы связи между Советским Союзом и ГДР можно выделить?

С сегодняшней точки зрения провал проекта создания «социалистической нации» при научной поддержке очевиден. Тем не менее, поспешно было бы говорить, что попытки реализации этого проекта представляли собой исключительно использование науки в идеологических целях; такая точка зрения упускает из виду совершенно разные контексты в странах государственного социализма. Сравнительное исследование позволяет выявить любопытные различия этих проектов в Москве, Киеве и Берлине (ГДР).

Статья основана на публикациях результатов исследований и архивных материалах участвовавших в них учреждений, а также на частично доступных интервью с некоторыми из бывших протагонистов «исследований социалистических праздников» в Москве, Киеве и Берлине.

Московский Институт этнографии: от воодушевленных планов до рутинных обязанностей

В Советском Союзе московские этнографы были первыми, — в соответствии с плано-экономическим и централизованным распределением ролей между союзными республиками — кто сразу после провозглашения нового этапа «развернутого строительства коммунизма» на внеочередном XXI съезде КПСС в 1959 г. заявил о своем участии в формировании «нового человека» («Правда» 06.02.1959). «Грандиозная программа коммунистического строительства, — подчеркивал С.П. Толстов, многолетний директор Института этнографии, в первой промежуточной оценке результатов в 1960 г., — предусматривала в качестве одной из первоочередных задач воспитание нового человека». Советские этнографы также должны и обязаны участвовать в «выполнении этой важной задачи». Толстов объяснял, как должен был выглядеть этот эволюционный переход от наблюдения и анализа к активному влиянию и «воспитанию»: «Советские этнографы должны выявлять в быту народов полезные, прогрессивные тенденции и всячески их поддерживать. Они должны также выявлять и традиции отрицательные, чтобы помочь партии и государству вести борьбу за их преодоление» (цит. по: Ганцкая 1960: 149; также см. *Alymov* 2013). Вскоре после внеочередного XXI съезда КПСС С.П. Толстов на собрании института также решительно сформулировал научное кредо своего поколения: «Дело заключается в следующем: <...> или мы будем беспристрастными хронистами, летописцами, которые день за днем описывают события, связанные с переживаемой нами увлекательной эпохой, и когда будет построен коммунизм, мы положим на стол многие томы исследований, которые дадут богатый материал для истории <...>. Эта задача

с нас не снимается, но не это — главное. Главное заключается в том, чтобы нашими исследованиями и до, и после их опубликования партия и правительство нашей страны могли воспользоваться, чтобы эти исследования принесли непосредственную пользу в самом деле строительства коммунизма, а не после того, как это дело будет завершено или будет близко к завершению <...>².

К «полезным, прогрессивным тенденциям» относились, в особенности, светские праздники и традиции. Это неслучайно: в годы войны советское руководство умело использовало религию и религиозных сановников в своих интересах как для патриотической мобилизации советского населения, так и для доказательства западным союзникам своей якобы либеральной религиозной политики (см.: *Peris 2000; Miner 2003; Huhn 2014*). Поэтому в послевоенные годы и до конца 1950-х годов религиозная жизнь вновь стала возможной после разрушительного сталинского террора, массового закрытия церквей и преследования священников и верующих мирян. Даже там, где не было открытых церквей, некоторые традиционные места паломничества — в том числе и в период сталинизма, до 1953 г., — привлекали до нескольких тысяч паломников, в основном женщин-паломниц, особенно в традиционные праздничные дни. Центральными местами паломничества часто были монастырские храмы, большинство из которых были закрыты с 1920-х годов. Тем не менее, паломники собирались здесь на большие самостоятельно организованные богослужения даже без участия священнослужителей, за которыми пристально наблюдали государственные и партийные власти на региональном и центральном уровнях до конца 1950-х годов. Однако партийная и государственная власть относились к таким мероприятиям терпимо. Руководство осознавало, что для колхозников в Советском Союзе практически не было места для реального участия в социалистических проектах. Не было и «опасности» со стороны в основном пожилых женщин, многие из которых потеряли своих мужей и сыновей в войне за победу Советского Союза. Поэтому с их религиозностью, включая ее утешительную функцию, реализацию которой могли предложить паломничества, мирились. Как проблему чиновники воспринимали религиозную вовлеченность молодого поколения и представителей «сельской интеллигенции» (*Huhn 2012, 315–333*).

Религиозным праздникам теперь должны были положить конец новые светские праздники и обряды. Поэтому новая антирелигиозная кампания под руководством Н.С. Хрущева с осени 1958 г. была не просто репрессивной: вовлечение широкого круга участников свидетельствовало о том, что в ходе ее осуществления сельские жители впервые всерьез рассматривались как граждане Советского Союза (*Stone 2008*). Закрытие церквей или прекращение ранее допустимых самоорганизованных паломничеств теперь не просто должно было осуществляться через «администрирование», то есть по приказу сверху, но и обязательно сопровождаться «разъяснительной работой» и желанием населения. Именно здесь и вступали в игру этнографы: чиновникам стал ясен социальный масштаб светских праздников перед лицом сохраняющих свою привлекательность праздников церковных. В то же время чиновники самокритично констатировали, что даже такие советские праздники, как 1 мая или 7 ноября (годовщина Октябрьской революции) не отмечались в сельской

² Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1050. Л. 1–81: 3–4. Стенограмма Расширенного заседания дирекции института этнографии АН СССР: «О теоретических проблемах строительства коммунизма»; 17.03.1959.

местности Советского Союза с 1930-х годов; вместо этого в эти дни во время перерыва в работе на полях произносились короткие речи³. Мальте Рольф, изучавший «советские массовые праздники» 1920–1950-х годов, даже говорит о «внутренней колонизации», первоначально направленной на советские праздники, однако от нее вскоре пришлось отказаться; все это свидетельствует о весьма ограниченной «советизации» советской деревни (Rolf 2006: 263–270). Следовательно, задача этнографов состояла в том, чтобы разработать проекты новых праздников и закрепить их в «народной традиции» с помощью своих знаний, одновременно «научно» обосновав их. Таким образом, антирелигиозная кампания и участие этнографов в разработке и формировании «советских праздников» были двумя сторонами одной медали. В частности, они должны были содействовать тому, чтобы новые праздники как можно более органично проистекали из существующих обычаев и светских праздников, не в последнюю очередь с целью повышения их признания среди населения (Ганцкая 1960: 151; Смоляк 1962: 184).

Энтузиазм, с которым московские ученые взялись за эту задачу, возможно, связан, с одной стороны, с их социалистическими убеждениями, а с другой, — с непростой историей и положением их дисциплины в Советском Союзе. В 1929 г., в год «великого перелома» форсированной индустриализации и коллективизации, советская этнография также пережила большие потрясения. Очерненное как «буржуазный суррогат социальных наук» изучение вопросов современности стало теперь невозможным (Slezkine 2016: 252; Алымов, Арзютов 2014: 33; 206). Вместо этого оставалось только изучение этнических групп, которые считались «отсталыми» и бесклассовыми, а также их «пережитков». Таким образом, полевые исследования и изучение современных сообществ стали невозможными. Этнография, а вместе с ней и археология были низведены до вспомогательных исторических дисциплин и считались всего лишь методами сбора и фиксации исторических данных. Начиная с 1936 г. сталинские волны репрессий затронули и многих этнографов, включая главного редактора ведущего журнала «Советская этнография» Николая Маторина (Knight 2000; Hirsch 2005). Только в конце 1940-х годов этнографы вновь смогли обратиться к темам современности, особенно к изучению жизни колхозов (см. об исследованиях колхозов в начале 1950-х годов, в частности: Alymov 2011; Haber 2014). Участие этнографов в активном формировании новых «советских праздников» закрепило место дисциплины в советском научном пространстве. Если классики марксизма-ленинизма обычно связывали понятие «традиция» с «отсталостью», то этнографам представилась возможность осмыслить и использовать изучаемые ими традиции как источник позитивного опыта (Alymov 2013: 157–183).

Иосиф Аронович Крывелев (1906–1991), представитель старой гвардии антирелигиозного движения, начал работу с публикации статьи «О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР» в 1963 г. в журнале «Советская этнография». В 1930-е годы он был членом

³ Председатель сельсовета сообщил, что в его селе церковные праздники отмечают все. «Как мы можем не праздновать их, — добавил он покорно, — мы ведь ничего не можем им противопоставить. Мы даже не отмечаем наши советские праздники, а всегда просто призываем к работе». См.: доклад уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Курской области, 20.05.1954. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1141. Л. 53–63: 61.

Центрального совета «Союза воинствующих безбожников», а также сотрудником Центрального антирелигиозного музея в Москве⁴. Отправной точкой для его программной статьи стал пленум ЦК КПСС в июне 1963 г., на котором были определены «очередные задачи идеологической работы партии». Это был «почетный долг советских ученых — нести свои знания в массы» («Правда» 22.06.1963: 2). В этом отношении Крывелев призывал этнографов активнее участвовать в формировании новых праздников, соответствовать их «важности и идейной актуальности», собирать, анализировать и передавать все «прогрессивное, интересное и удавшееся» в отношении существующих праздников и обрядов народов Советского Союза (Крывелев 1963: 24; также см.: Крывелев 1961: 30–44)⁵. Затем внутри этнографического цеха последовали исследования отдельных регионов, например, по теме «формирования новых праздничных обычаев» в Эстонии, Коми АССР или на Кавказе в Дагестане (Гагарин 1965; Калитс 1965; Агаширинова, Сергеева 1966).

Научная работа и указания государственного и партийного руководства продолжали тесно переплетаться. «Социалистический ритуальный комплекс», как называет Виктория Смолкин масштабный проект по внедрению новых праздников и ритуалов, стал темой специального заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС в конце 1963 г., на которое съехались представители со всей страны. Результатом стало изданное 2 января 1964 г. постановление ЦК «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания», которое чуть позже было конкретизировано постановлением Совета министров РСФСР «О внедрении в быт новых гражданских ритуалов» (Smolkin 2018: 179–181). «В целях более активного и эффективного внедрения безрелигиозных праздников и ритуалов в быт советских людей» постановление ЦК предписывало «провести совещание партийных, советских, комсомольских и профсоюзных работников, этнографов, пропагандистов и работников ЗАГСов» (Hauptmann, Stricker 1988: 836–838). Этнографы были единственными явно упомянутыми представителями науки. Указания выполнялись в советском стиле, «большевистскими темпами»; уже в мае 1964 г. в Москве под председательством секретаря ЦК В.И. Степакова состоялось Всесоюзное совещание-семинар по советским праздникам и гражданским ритуалам под руководством Министерства культуры (Smolkin 2018: 182). В опубликованных в результате этого методических рекомендациях «В помощь лектору» подчеркивалась «органическая связь с действительностью» новых

⁴ Об Иосифе Крывелеве и его роли «сторожевого пса» воинствующего атеизма в 1970-е годы см.: Smolkin 2018: 199–200. Информацию о его биографии см.: Личное дело Иосифа Ароновича Крывелева, научный архив Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (далее — НА ИЭА РАН), автобиография от 28.09.1976. С. 31–32. Родился в 1906 г. в еврейской купеческой семье в Могилевской губернии на территории, которая тогда входила в черту оседлости. Членство в Коммунистической партии представляло для него возможность карьерного роста. Связь с партией оставалась сильной для Крывелева даже после того, как в 1949 г. он был исключен из КПСС в рамках антисемитской «кампании по борьбе с космополитизмом» и потерял пост редактора журнала «Вопросы философии» в Москве. Однако его не арестовали; он смог работать в качестве преподавателя в ходе своей ссылки в Казахстан, пока в 1955 г. не был вновь принят в партию и смог вернуться в Москву. Будучи лояльным партии, Крывелев представлял из себя типичного человека своего поколения и социального происхождения. Об особой преданности членов партии, преследуемых во времена сталинизма см.: Beyrau 2006; Adler 2012.

⁵ Этим сам Крывелев дополнял новую коннотацию старых терминов. Еще в 1961 г. он призывал к «преодолению религиозных пережитков», которые отныне должны были служить основой для новых традиций, очищенных от религиозного содержания, но уже не отвергаемых как таковых. См.: Крывелев 1961.

праздников и ритуалов, которые «не предписываются сверху, не навязываются», а вытекают «из стремлений самих трудящихся» (Степаков 1964: 13). Внешне вклад этнографов не был слишком заметен. Вероятно, факт конструирования новых праздников не должен был подчеркиваться, хотя существование методических рекомендаций говорило само за себя.

В то же время постановление также предписывало создание отдельного Института научного атеизма в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на который в будущем возлагалось координация и руководство «всей научной работой в области атеизма, проводимой институтами Академии наук СССР, высшими учебными заведениями и учреждениями Министерства культуры СССР» (*Hauptmann, Stricker* 1988: 838; также см.: *Smolkin* 2018: 145–149)⁶. Таким образом, «исследования праздничной культуры» приобрели еще большее значение. С другой стороны, всего через несколько лет они были переведены из Института этнографии во вновь созданную структуру внутри партийного аппарата. Но исследователи, работавшие в партийном аппарате, также использовали для своей работы на местах этнографические методы, такие как «наблюдение, анкетирование и интервью». При этом они могли быть уверены в поддержке своих исследований со стороны соответствующих партийных организаций (Кампарс, Закович 1967: 3, 8, 10).

После этой структурной перестановки энтузиазм ученых Института этнографии вскоре угас, несмотря на прежний интерес в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Тем не менее, отдельные статьи в главном профессиональном журнале «Советская этнография» продолжали появляться. В 1981 г. Институт этнографии Академии наук в Москве опубликовал сборник статей «Традиционные и новые обряды в быту народов СССР» (Крывелев 1977: 36–45; Крывелев, Коган 1981). Движущей силой и важнейшим автором здесь по-прежнему оставался Иосиф Крывелев, который одновременно взял на себя роль блюстителя партийной морали на партийных собраниях института⁷. В 1970-х — 1980-х годах Крывелев часто выезжал на атеистические лекции и семинары, в том числе по линии Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний (с 1963 г. — Всесоюзное общество «Знание»), организации-преемницы Ассоциации воинствующих безбожников. Важной темой его лекций были «новые советские праздники» (об ассоциации «безбожников» и ее преемнице см.: *Peris* 1998)⁸. Однако в кругу своих коллег он все чаще оставался одинок в отношении этой темы.

⁶ На управленческие должности в новый Институт атеизма из Института этнографии никто не пришел (см.: *Smolkin* 2018: 145f.). Молодой сотрудник Института этнографии Галина Носова перешла в 1964 г. по распоряжению директора своего института на работу в Институт научного атеизма, где в 1969 г. получила кандидатскую степень по специальности «Бытовое православие». Ее диссертация «Язычество в православии» была опубликована в 1975 г. (*Носова* 1975). Галина Носова смогла вернуться на работу в Институт этнографии после расформирования Института научного атеизма в 1994 г. См.: личное дело Галины Носовой, НА ИЭА РАН, а также интервью с Галиной Носовой.

⁷ Именно такое впечатление производят документы партийной организации института. Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦАОПИМ). Ф. Р-7349. Оп. 1. Д. 30: Протоколы общих партийных собраний, здесь, например, л. 25–32 Протокола № 6 закрытого партсобрания от 13.07.1976.

⁸ В личном деле Иосифа Ароновича Крывелева есть оформленные благодарственные письма за поддержку в распространении «новых праздников», например, от московского райкома партии и «Комиссии по пропаганде и введению новых обрядов и ритуалов» в Республике Грузия. С. 73: Куйбышевский районный комитет, исполком, Москва, 03.01.1977, а также с. 77: Республиканская комиссия по пропаганде и введению новых обрядов и ритуалов, Секретарь комиссии/ Бромлей, Институт; 29.11.1980. НА ИЭА РАН, личное дело Иосифа Ароновича Крывелева. Об Ассоциации «Безбожников» и ее преемнице см.: *Peris* 1998.

Вскоре у Института появились совершенно иные возможности для исследований за рубежом: с деколонизацией африканских государств и ростом влияния Движения неприсоединения эти страны все чаще попадали в поле зрения. Теперь стали возможны исследования в «несоциалистических» зарубежных странах, активизировался международный обмен с коллегами за пределами советского лагеря (см.: *Алчов* 2019: 23–50; об Институте Африки РАН, основанном в 1959–1960 гг. см.: *Marung* 2013, 103–134). В Москве для этих целей имелись ресурсы и иностранная валюта, которых не было в других республиках Советского Союза.

Исследования «новых социалистических праздников» вскоре стали составлять лишь небольшую часть деятельности московского отделения Института этнографии и все больше напоминали рутинную работу или упражнения одинокого воина, такого как Иосиф Кривелев. Тем не менее, когда в октябре 1978 г. в Киеве проходил второй Всесоюзный семинар по социалистической праздничной культуре, руководитель Института этнографии Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990) прочитал одну из вступительных лекций на тему «Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни» (лекция Ю.В. Бромлея была впоследствии неоднократно опубликована, см.: *Bromlej* 1979; *Bromlej* 1981). На одной из секций выступил И.А. Кривелев с докладом об «этнографическом аспекте» новых праздников⁹. Московские коллеги, таким образом, претендовали на роль ведущего научного центра. Однако это касалось в основном иерархии, которая, впрочем, не была наполнена большим содержанием. В остальном решающее значение имели представители государственной власти и массовых организаций, такие как соответствующие заместители председателя Совета министров Украинской ССР и Всесоюзного общества «Знание», преемника старого антирелигиозного общества. В остальном содержание и теоретические пояснения исходили от Академии общественных наук в Москве и Киеве. Организаторами этой всесоюзной встречи были московские учреждения, а именно Институт научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС и общество «Знание»¹⁰. Коллеги из киевского Института искусствоведения, фольклора и этнографии, напротив, участвовали в подготовке Всесоюзного семинара, но не выступали на нем. Значение этого всесоюзного семинара отражалось в том, что во время конференции некоторые главные улицы Киева по распоряжению центральных властей были украшены плакатами с надписями «Да здравствует братская дружба и непоколебимое единство народов СССР — великое завоевание Октября, ленинской национальной политики КПСС!»¹¹. Таким образом, плакаты

⁹ Программа проведения второго Всесоюзного совещания-семинара по социалистическим праздникам и обрядам, 18–20 октября 1978 г. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВОВУ Украины). Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 3–8.

¹⁰ Программа проведения второго Всесоюзного совещания-семинара по социалистическим праздникам и обрядам, 18–20.10.1978. ЦГАВОВУ Украины. Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 3–8, а также: Председатель Комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров С. Стеценко, директору Института искусствоведения, фольклора и этнографии имени М.Т. Рильского С. Д. Зубкову, 13.09.1978: Признательность младшим научным сотрудникам отдела этнографии института товарищам Борисенко В.К. и Пашкову Г.Т., 13.09.1978. ЦГАВОВУ Украины. Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 37.

¹¹ Справка об оформлении некоторых центральных улиц г. Киева в связи с проведением II Всесоюзного совещания-семинара по социалистическим праздникам и торжествам. ЦГАВОВУ Украины. Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 109–111.

несли в себе новый акцент, смещая центр внимания в сторону от преимущественно атеистической ориентации к формированию новой советской идентичности в многонациональной стране.

Помимо этой претензии Москвы к определению направления исследований, спорадически публикуемые статьи молодых московских этнографов о «социалистической праздничной культуре» в 1970–1980-х годах казались побочными продуктами другой их деятельности. Например, Анна Васильевна Смоляк и Зоя Петровна Соколова — два уважаемых специалиста по народам Сибири и Дальнего Востока — опубликовали статью «Традиционные и новые праздники и обряды у народов Севера» в сборнике Крывелева в 1981 г. (Смоляк, Соколова 1981; еще одна сотрудница ИЭ в Москве: Тульцева 1981; о другом опыте работы А.В. Смоляк и З.П. Соколовой см.: *Krupnik* 2014: 94).

В годы перестройки была предпринята последняя попытка возродить «новые праздники и обряды», а также заручиться для этого поддержкой научных кругов. Как и при Никите Хрущеве, реформы Михаила Горбачева были направлены на возрождение социалистической утопии. Однако усилия по достижению этой цели вскоре сошли на нет даже в Институте этнографии в Москве. В 1986 г. была создана «Межсекторальная проблемная группа по изучению современной социалистической обрядности у народов СССР», в которую вошли сотрудники различных рабочих групп института. Однако годовые отчеты о деятельности все сокращались вплоть до 1989 г.¹² Также бросалось в глаза, что группа состояла почти исключительно из женщин. Очевидно, «исследования праздничной культуры» считались женским делом. Распределение обязанностей между женщинами и мужчинами также свидетельствует о низком престиже задач этой группы. Предполагалось, что «проблемная группа» этнографов окажет практическую поддержку праздничной комиссии московского партийного руководства и Мосгорисполкома, например, обучив работников ЗАГСов проведению социалистических свадеб¹³. Существование «Проблемной группы» свидетельствует как о том, что реформаторские идеи перестроечных лет сопровождались также возрождением идеологических задач, так и о том, насколько недальновидным было это рвение. Меморандум о создании при Совете Министров РСФСР новой комиссии по организации комплекса праздников, написанный З.П. Соколовой в 1987 г. в качестве руководителя группы, не возымел никакого действия¹⁴. Неудивительно, что З.П. Соколова в своем интервью с автором статьи весной 2017 г. не смогла вспомнить об этом событии. И это несмотря на то, что в остальном она очень подробно рассказала о своих исследовательских поездках (интервью с З.П. Соколовой).

Для Института этнографии в Москве ситуация обстояла следующим образом: «исследования праздничной культуры», в проведении которых было заин-

¹² См.: отчеты о деятельности Группы по изучению современных социалистических ритуалов за 1986–1989 гг. Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1621, 1672, 1717 и 1769. Объем сократился с шести страниц в 1986 г. до половины страницы в 1989 г.

¹³ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1621. Л. 1–6: Отчет о деятельности Группы по изучению современных социалистических ритуалов 1986 г.

¹⁴ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. д. 1672. Л. 1–4: Отчет о деятельности Группы по изучению современных социалистических ритуалов 1987 г.

тересовано руководство государства и партии в конце 1950-х — начале 1960-х годов, изначально было использовано как возможность после многих крайне нестабильных для академической дисциплины лет; такое положение придало значимость институту и обеспечило его ресурсами. Когда перед сотрудниками института возникли другие задачи, в том числе в контексте деколонизации и возросшего государственного интереса к африканскому континенту и народам Африки, «исследования праздничной культуры» потеряли для московских ученых свое значение. Правда, в соответствии с централизованным распределением ролей в советской научной среде, руководство института должно было уделять внимание таким событиям, как «Всесоюзный семинар» в Киеве в 1978 г., а его директор Ю.В. Бромлей даже прочитал вступительную лекцию в Киеве. Тем не менее, складывалось впечатление, что для Института этнографии «исследования праздничной культуры» были нелюбимой навязанной темой, за которую в институте брались только представители старой партийной гвардии, а в конце 1980-х годов занимались ей под давлением сверху, без энтузиазма и дальнейших результатов.

Исследования праздничной культуры и этнография в Украинской ССР: участие как возможность

Эпицентр внедрения новых советских праздников в 1970-е годы переместился в Украинскую ССР. Во-первых, это было связано с тем, что Украина считалась центром сильной религиозности — как и другие западные советские республики, такие как Молдавская ССР и прибалтийские республики, которые (как и часть Украины) были включены в состав Советского Союза во время Второй мировой войны. Однако параллельно эти республики стали экспериментальным полем для создания новой «советской национальности» — это была вторая цель внедрения новых праздников и ритуалов, которые приобрели все большее значение в ходе растущей секуляризации.

Поэтому в 1969 г. в Украинской ССР была создана Центральная комиссия по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров, которая была также представлена в каждой области своей собственной комиссией, подотчетной Киеву. Об этом сегодня свидетельствует обширная коллекция документов в Центральном государственном архиве в Киеве. В условиях самого настоящего ажиотажа комиссия собирала точные данные о распространении новых «социалистических ритуалов». Согласно этим данным, в 1978 г. 74,4% свадебных пар на Украине сочетались браком по новому ритуалу, а 52% новорожденных проходили «ритуал торжественной регистрации». Такой высокий уровень восприятия новых обрядов был связан и с материальными стимулами: например, при торжественной регистрации новорожденных предлагались дефицитные товары, такие как детская одежда, а также организовывались консультации специалистов по работе с младенцами и детьми младшего возраста (*Smolkin 2018*). Соответственно, конструктивное сотрудничество Комиссии с ответственными министерствами и государственными органами, которые предоставляли эти ресурсы, было важным — и вместе с тем всегда проблематичным.

Какую роль сыграли украинские этнографы в становлении «новых социалистических праздников и ритуалов» в Украинской ССР? Их институциональное исходное положение в послевоенные годы было гораздо хуже, чем у мо-

сковских этнографов. В дополнение к осуждению этнографии в 1930-е годы как «буржуазной науки», украинскую этнографию также подозревали в наличии «украинских националистов». Поэтому сталинские чистки 1930-х годов ударили по дисциплине в Украинской ССР даже сильнее, чем в РСФСР после короткого расцвета в 1920-х годах. Не только академические этнографические структуры были распущены, но и такие специалисты, как Екатерина Грушевская (1900–1943), Антон Онищук (1883–1937) и Нина Заглада (1896–1938) не пережили сталинского террора (Борисенко 2002). Их имена были преданы забвению вплоть до конца существования Советского Союза, а доступ к их произведениям был закрыт (см.: Боряк 2003: 79). Правда, через несколько месяцев после окончания немецкой оккупации в Киеве в Академии наук СССР вновь был создан сектор этнографии, который был приписан к Институту истории искусств, фольклора и этнографии. Как и в Москве, исследовательский фокус в послевоенные годы изначально был направлен на настоящее, то есть на повседневную жизнь в колхозах и в среде рабочих, под лозунгом изучения «украинской социалистической культуры» (Гілевич 2008: 36–37). После смерти Сталина началась работа над двумя крупными проектами, целью которых было этнографическое исследование всех регионов Украинской ССР, включенных в ее состав в результате пакта Молотова-Риббентропа. Оба проекта — историко-этнографический атлас Украины и двухтомная коллективная монография — дали толчок к обширным полевым исследованиям в течение следующего десятилетия, но так и не были завершены (Гілевич 2011).

Несмотря на изначально далекоидущие цели, в небольшом секторе этнографии работало всего несколько сотрудников, которые либо пришли из других дисциплин (особенно из истории и географии), либо ранее изучали этнографию в Москве и вернулись в Украинскую ССР. Ни у кого из них не было непосредственной связи со своими украинскими предшественниками¹⁵. До 1995 г. на территории Украины также не было отдельной кафедры этнографии¹⁶. Этнография не преподавалась как отдельный предмет в Украинской ССР, в отличие от РСФСР, до конца существования Советского Союза и лишь sporadически читалась этнографами Академии наук в Киевском университете имени Тараса Шевченко в рамках курса исторических наук. Кроме того, небольшая секция этнографии в Киеве, в отличие от московского института, не имела средств на полевые исследования за рубежом. Украинские этнографы де-факто могли проводить исследования только на территории Украинской ССР и иногда в соседних республиках — Белоруссии и Молдавии. Единственным отделом, созданным в середине 1970-х годов в секторе этнографии

¹⁵ См. биографии сотрудников Института, которые периодически также работали преподавателями в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко: Всеволод Наулко, например, изучал географию в Киеве, а Владимир Горленко защитил докторскую диссертацию в Институте этнографии в Москве. См.: Наулко 2013, раздел «Мемуарні Праці». С. 17–90. Биографическую справку о Владимире Горленко см. в: *Èntsiklopediia Suchasnoï Ukraïny* [Электронный ресурс]. № 6. Київ, 2006. С. 266. Режим доступа: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=31295. (дата обращения: 22.11.2019). Среди первого поколения этнологов, получивших образование в Киеве, была Валентина Борисенко, которая изучала в Киеве историю и специализировалась на этнографии и получила этнологическую подготовку у старших коллег в Институте искусствоведения и фольклористики. См. следующий электронный ресурс: <http://www.prostir.museum/ua/post/35382>. (дата обращения: 22.11.2019).

¹⁶ Первая кафедра этнологии была создана в 1995 г. в Университете имени Петра Могилы в Киеве, на ней работала бывший сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии профессор Валентина Борисенко.

Института истории искусств, фольклора и этнографии, был Отдел советских праздников и обрядов¹⁷.

Эти институциональные рамки привели к парадоксальной в нескольких отношениях ситуации: дисциплина этнография, традиционно направленная на изучение «других» народов и этнических групп, в Украинской ССР была сведена к изучению «своей» традиционной культуры, в частности, ее материальных проявлений, т. е. жилища, одежды, техник ткачества, ремесел и т. д. Хотя такой фокус исследований может создать впечатление раннего открытия «антропологии у себя дома», его истоки лежат в плановой экономике и централизованной привязке к Москве, которая ограничивала украинский научный ландшафт. Это касалось и других союзных республик. Исследования по-прежнему придерживались этнического принципа; вопросы социальной или культурной антропологии не стояли на повестке дня. Поэтому этнография на Украине была привлекательна в основном для этнических украинцев, в то время как академические институты этнографии в Москве и Ленинграде были гораздо более разнообразны по этническому составу своих сотрудников и имели широкий спектр направлений исследований (*Huhn* 2018: 26; *Rawski* 2018: 199–204). Таким образом, институт стал местом, где под советской эгидой было возможно артикулирование «украинского культурного национализма», как показал Бенджамин Тромли на примере советско-украинской системы высшего образования в начале 1960-х годов (*Tromly* 2009: 610). Однако эти возможности также могли быть быстро сведены на нет в зависимости от политической ситуации. В 1970–1980-х годах этнографию на Украине снова заподозрили в продвижении «украинского национализма». Так, проект этнографического атласа Украины, над которым долгое время работали различные люди и организации, был заброшен незадолго до сдачи в печать в начале 1970-х годов. Это произошло в связи со смещением 1-го секретаря ЦК Компартии Украины Петра Шелеста и заменой его брежневским доверенным лицом Владимиром Щербицким (Гилевич 2011: 401–412¹⁸ (о контексте политических изменений после смены партийного руководства см.: *Yekelchuk* 2007: 159–162)). В таких условиях «Отдел советских праздников и обрядов», созданный чуть позже, стал возможностью, которая дала маленькой и противоречивой дисциплине новый смысл существования и повысила уровень предмета в целом. В то же время предполагаемое участие украинских этнографов в формировании «советской нации» в 1970-е годы создавало определенные ожидания: они должны были не только проводить исследования, но и оказывать непосредственное влияние на «воспитание» объектов исследования (о прикладном характере советской этнографии в целом см.: *Rawski* 2018: 407–451).

Вклад этнографов в работу Государственной комиссии по новым советским праздникам и обрядам можно считать в целом второстепенным. Отдельных этнографов приглашали к сотрудничеству с комиссией, и перед ними

¹⁷ Поскольку архивные документы Института искусствоведения, фольклористики и этнологии, к сожалению, не были доступны автору, создание кафедры может быть датировано только на основе интервью. Валентина Борисенко, бывший сотрудник кафедры, вспоминает, что она была основана примерно в 1974–1975 гг. См.: Интервью с Валентиной Борисенко. Отдел просуществовал вплоть до распада Советского Союза.

¹⁸ Гилевич скрупулезно описывает отдельные этнографические экспедиции 1960-х годов, но, к сожалению, из-за задержек с печатью, начавшихся в 1972 г., Атлас не удалось опубликовать до распада Советского Союза — и даже в период независимости Украины.

стояла задача использовать свои этнографические знания для лучшего закрепления новых ритуалов и праздников в рамках «этнокультурных традиций», которые считались конструктивными. Валентина Борисенко, будучи этнографом, была назначена членом Государственной комиссии по новым советским праздникам и ритуалам; она также писала так называемые «сценарии», то есть сборники текстов с шаблонами для проведения новых ритуалов, например, для «посвящения нового социалистического работника сельского хозяйства». В дополнение к текстам для посвящения, опубликованные брошюры также содержали предложения относительно музыки, стихов и цветных иллюстраций с вариантами того, как проводить посвящения в поле или в клубах (Комісія по радянських традиціях 1983)¹⁹. Говоря о своей мотивации, Валентина Борисенко в интервью 2016 г. заявила, что она пыталась включить в «сценарии» хотя бы некоторые устоявшиеся досоветские традиции. Однако, по ее словам, зачастую эти элементы исключались из «сценариев», как, например, в случае «Сценария социалистической свадьбы» традиция приветствовать жениха и невесту хлебом после свадебной церемонии. Однако Государственная комиссия при Совете Министров платила вознаграждение, что отличало эту работу от нередких случаев бесплатного труда (Интервью с Валентиной Борисенко).

Тема праздничной культуры была отражена не только в этих брошюрах. В академических книгах украинских этнографов также преобладали исследования праздничной культуры (Горленко, Зубков 1975; Курочкін 1978; Бабанюк 1979; Борисенко 1979; Попов 1982; Горовой 1983; Гошко 1983; Дмитерко 1989). Тем не менее этнографы играли лишь подчиненную роль в Комиссии по проведению праздников при Совете министров. Несмотря на все эти усилия, материальные стимулы, вероятно, имели решающее значение для принятия празднеств населением. За обеспечение этих стимулов отвечали различные министерства, представленные в комиссии. Однако верно и то, что этнографы в Украинской ССР почувствовали повышение значимости своей дисциплины благодаря участию в разработке новых праздников. Участие в этом проекте повлияло и на самовосприятие и стиль работы этнографов в поле.

Несмотря на тяготы и ограничения, которые принесла для исследований их интеграция в структуры Государственной комиссии по советским праздникам и обрядам при Совете Министров, вновь созданный «Отдел советских праздников и обрядов», тем не менее, стал возможностью, которая дала незначительной и амбивалентной теме этнографии в Украинской ССР в 1970-х годах новый смысл существования.

Исследования праздничной культуры в ГДР: освоение наследия

В ГДР ситуация была иной. Здесь первые импульсы к созданию социалистической праздничной культуры в 1950-х годах исходили от местных функ-

¹⁹ Валентина Борисенко не упоминается как автор брошюры; ее авторство можно проследить по архивным фондам Государственной комиссии, а также оно было подтверждено в интервью с автором в Киеве 22.11.2016. См.: письмо директора Института искусствоведения, фольклористики и этнографии С.Д. Зубкова в Комиссию по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров СССР, 21.06.1982 г. ЦГАВОВУ Украины. Ф. Р-2. Оп. 14. Д. 6912. Л. 5.

ционеров. Своими инициативами по проведению собственных светских, т. е. социалистических праздников они реагировали на отказ священников хоронить атеистов и членов СЕПГ на конфессиональных кладбищах (*Lange 2004*). В то же время они осознавали, что партии нечего противопоставить церкви в сфере культа. В этой связи преданные партийные кадры, стремившиеся придать социалистическую форму имянаречению, бракосочетанию и погребению, могли опираться на прошедший в июле 1958 г. V съезд СЕПГ, лозунг которого гласил: «Работать, учиться и жить по-социалистически!». Однако, принимая во внимание то, как эта установка была бы воспринята в Западной Германии, руководство партии отвергло подобные попытки (*Lange 2004*).

В сегодняшнем Айзенхюттенштадте — в прошлом Сталинштадте, возведенном в 1950 г. в качестве образцового социалистического города, при городском совете был даже отдельный сотрудник, отвечавший за организацию социалистических праздников в городе и, в духе резолюции партийного съезда 1959 г., формулировавший «принципы и опыт организации социалистических торжеств рождения, брака и смерти в Сталинштадте». Эти «принципы» просочились в западную прессу и стали известны как «Сталинштадтский документ», что было крайне неприятно для государственного и партийного руководства. Озираясь на Запад, оно немедленно дистанцировалось от откровенно атеистической направленности документа и отстранило автора документа, сотрудника Сталинштадтского горкома, от должности и исключило из партии. Целью государственного и партийного руководства в тот момент было приобщить даже религиозное население к социализму, а не оттолкнуть его (*Lange 2004; Dietrich 2018, Vol. II: 878f*).

Только в 1970-х годах — то есть параллельно с событиями в Украинской ССР — в ГДР была предпринята следующая попытка создания новых социалистических праздников, на этот раз также с участием ученых. Правовая база была создана (первоначально в отношении реорганизации свадеб) постановлением Совета Министров от 28 августа 1975 г. «О положении и функционировании органов ЗАГС» спустя целых десять лет после схожего постановления Совета Министров Советского Союза от 1964 г. Параллельно с этим по советской модели развивались и другие праздники жизненного цикла, например, торжественное вручение школьных аттестатов и первого удостоверения личности, «проводы на почетную службу в Национальную народную армию» или начало работы в определенной профессии. За это отвечал Центральный дом культуры ГДР, который с 1971 г. публиковал «материалы для организации праздников и торжеств» в так называемой «серии для всех» (*Bonk 1971; Bonk 1972; Molkenbur 1972*).

Здесь переплелись три импульса: во-первых, исследование народных обычаев в рамках этнографии было устоявшейся областью ее подраздела, «фольклористики», обиходного названия дисциплины, которое было вновь взято на вооружение исследователями Вольфгангом Штайницем, Паулем Недо и Рудольфом Вайнхольдом уже в 1950-х годах, невзирая на ее идеологическую инструментализацию в период национал-социализма. При этом они прежде всего обращали внимание на изменения обычаев в настоящем (*Nedo 1959; Weinhold 1968/1969*. О новаторской роли лужицанской фольклористики вообще и Павола Недо, в частности, см.: *Keller 2015: 290, 294*). Во-вторых, «Указания Министерства культуры по руководству, планиро-

ванию и методике проведения народных праздников» призывали «специалистов по культурному и художественному народному творчеству», среди которых были в первую очередь фольклористы, участвовать в подготовке народных праздников, чтобы удовлетворить потребность в «общении и развлечении», а также углубить «связь с родиной и патриотизм» (Указания Министерства культуры 1981: 10–11). Этнографам было трудно избежать этого. В-третьих, внимание к традиционным праздникам также находилось в контексте социалистического «освоения наследия», дискуссия о котором начала разворачиваться в исторической науке ГДР с 1970-х годов (*Badstübner* 1983; *Meier, Schmidt* 1989; *Dietrich* 2018, Vol. III: 1741–1745). Увлеченность сохранившимися обрядами и праздниками давала возможность обратиться к традициям, которые не были связаны с социалистической утопией в узком смысле, но, скорее, соответствовали представлениям о «социалистической немецкой нации» на территории ГДР (*Hofmann* 1981: 9). В то же время, этот поиск обещал предоставить материал для решения задачи развития «общительности и развлечения», упомянутой в указаниях министерства. Таким образом, целеполагание культурной политики и научные исследования должны были идти рука об руку.

В качестве экспертов были приглашены фольклористы из трех институтов: главным учреждением для разработки новых праздников стал Центральный комитет по истории культуры и фольклору (ZFA), который в 1976 г. был реорганизован в Культурный союз ГДР (*Jacobbeit* 1978: 11–12). Кроме того, исследования вопросов культуры и быта проводились в так называемом отделе этнографии, созданном в 1968 г. при исторической секции Университета Гумбольдта (Архив HUB)²⁰. С начала 1980-х годов вопросы праздничной культуры и быта исследовались здесь в рамках общей темы «культура и быт». Например, в центре внимания были такие вопросы, как свадебные практики и посвящение молодежи, что нашло отражение в большом количестве публикаций (см.: обширная библиография *Rusch, studentische Arbeitsgruppe* 1986; *Lange* 2004). Третьими были коллеги из Института фольклористики Академии наук.

Результаты исследований этих трех учреждений должны были быть опубликованы через Центральный дом культурной работы (ZfK) в Лейпциге. Это учреждение, подчинявшееся Министерству культуры, занималось подготовкой и повышением квалификации работников культуры. Как резюмирует Инес Ланге, целью академической работы стала «уже не пропаганда новых социалистических форм, а изучение традиций и возможность их использования в новых обстоятельствах» (*Lange* 2004).

В университетской практике, как рассказала в интервью автору летом 2019 г. Юта Морманн, бывшая сотрудница, а затем заведующая кафедры эт-

²⁰ О планах исследований на кафедре этнографии Берлинского университета имени Гумбольдта см. сообщение Юта Морманн, которая в то время была заведующей кафедрой, к ген. Э. Фурманн, тогдашнему начальнику отдела, в Министерство культуры, в отдел клубов и Дома культуры. Сообщение было направлено через заведующего исторической секцией Университета Гумбольдта Адольфа Рюгера 10 октября 1980 г. В сообщении были перечислены исследования по теме «Праздники как компонент социалистического образа жизни», проведение которых планировалось в рамках пятилетнего плана. Архив Берлинского университета имени Гумбольдта, фил. фак. I, файл 7735.

нографии Берлинского университета имени Гумбольдта, изучение праздников жизненного цикла прежде всего представляло собой ту сферу, где начинающие ученые могли ознакомиться с методами полевых исследований (Интервью с Юта Морманн). В рамках практики студенты 3-го курса исследовали в 1981 г. свадьбы в Берлине и разработали сложный набор исследовательских инструментов, таких как объемные анкеты для опроса жениха и невесты, их родственников и гостей, регистраторов; также эти анкеты помогали при включенном наблюдении (личный архив Ю. Морманн)²¹. Возглавляемая Юта Морманн работа, как она сама ретроспективно объясняет, оказалась для нее привлекательной, поскольку в университете у них было меньше возможностей для собственной исследовательской работы, чем у их коллег из Института фольклора Академии наук.

По этой же причине, оглядываясь назад, Ю. Морманн говорит о привлекательности работы с так называемыми «краеведами», исследователями-непрофессионалами, которых, в свою очередь, Культурный союз просил участвовать в социалистических праздниках (*Bethge* 1978). Она чувствовала, что фольклористика в ГДР, с ее немногочисленными филиалами в Берлине, Дрездене и Ростоке, находится под сильным давлением с точки зрения производительности, особенно по сравнению с многочисленными исследовательскими институтами в ФРГ. Поэтому она видела преимущество в «вовлечении добровольцев в исследования», что повышало масштаб влияния науки. Это было связано с обучением музееведов, т.е. обычно опытных директоров музеев и сотрудников региональных и местных музеев, которые получали дополнительный диплом в области этнографии посредством заочного обучения и могли применить на практике знания, полученные в ходе университетских занятий (Интервью с Юта Морманн).

Юта Морманн также вспоминает некую двойственность, например, в исследовании практики посвящения молодежи. Некоторые из вовлеченных студентов подходили к этой теме более сдержанно, потому что не все из них сами прошли через молодежное посвящение и светское воспитание, но выросли в церковной среде. Однако, в отличие от того, что вспоминала Г. Бондаренко относительно своего исследования свадебных традиций на Украине, участники исследовательских проектов Берлинского университета не сталкивались с проблемой давления на частную жизнь со стороны государства. В ходе исследовательского проекта, посвященного свадебным практикам в Берлине, выяснилось, что, например, участие как в гражданской церемонии, так и тем более в частных торжествах происходит только с согласия празднующей стороны (Интервью с Юта Морманн).

Независимо от ожиданий государства в отношении «позитивного» влияния на практику празднования и исполнения ритуалов, исследовательские группы исходили из того, что «реальные ситуации повседневной жизни», которые они изучали, также должны быть задокументированы как таковые. Так, на выставке, представляющей результаты проекта-семинара о свадебных практиках в берлинском Дворце Республики, была среди прочих показана фотография длинноволосого жениха в джинсах. Организаторы были раскритикованы одним из членов руководства Дворца Республики, но в конце концов к ним

²¹ Выражаю благодарность Уте Морманн за интервью и возможность ознакомиться с книгой.

отнеслись терпимо, как вспоминает Юта Морманн (Интервью и фотографии выставки в личном архиве Юта Морманн).

Таким образом, университетская практика колебалась между собственным исследовательским планом и прикладными исследованиями фольклора, которые были скорее лишь провозглашенными, чем реализованными на деле. В духе «социалистического освоения наследия» Ю. Морманн призывала к тому, чтобы полученные в ходе исследований материалы были «пропагандистски обработаны» и использованы для совершенствования ритуалов, таких как посвящение молодежи (*Mohrmann* 1984: 118). Ожидая дальнейшего переплетения науки и практики, один из сотрудников берлинского магистрата поблагодарил заведующего кафедрой истории Берлинского университета имени Гумбольдта за «ценные подсказки в оценке качества деятельности органов ЗАГС столицы ГДР — Берлина», которые дала исследовательская практика «Свадьбы в Берлине» летом 1981 г.²²

Поразительно, что, как и ее московская коллега Зоя Петровна Соколова, Юта Морманн, в отличие от своего живого описания студенческих научных практик, меньше вспоминает о дальнейшей дискуссии по теме и о своем участии в международных конференциях. С 1974 г. этнографы из «братских социалистических государств» встречались в Международном комитете этнографических исследований современности в социалистических странах в разных местах на конференциях и симпозиумах (*Brinkel* 2012: 106). Для Ю. Морманн было важно «узнать коллег лично, а не только ознакомиться с их трудами».

Ей запомнились интересные экскурсии в рамках программ конференций и понравились поездки в различные места проведения конференций в странах Восточной и Центральной Европы. Академическая польза была связана с получением многосторонней информации о культурных и культурно-политических практиках в разных странах. По ее воспоминаниям, теоретические дискуссии были на втором плане (Интервью с Юта Морманн).

Юта Морманн косвенно упоминала о сопоставлении различных докладов в опубликованном отчете о заседании Комитета во Львове (Украина) в конце 1986 г.: здесь она зафиксировала своё впечатление, что доклады «отражали текущее состояние исследований <...> скорее выборочно, чем в целом» (*Mohrmann* 1988:183).

Правда, во внутреннем отчете председателя комитета Леокадии Михайловны Дробижевой также подчеркивалось, насколько важным было «использование прогрессивных этнокультурных традиций для совершенствования социалистического быта <...>»²³. Поэтому внутренние, а также опубликованные отчеты могут быть восприняты, как отмечает Алексей Юрчак, в качестве игры, в которой ожидания выполняются перформативно, но наполняются

²² Д-р Мейер, магистрат Берлина, Департамент внутренних дел, — руководителю исторического отдела А. Рюгеру, 30.11.1981, Архив Берлинского университета имени Гумбольдта, файл 7735.

²³ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1578. Л. 10: Отчет делегации Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая СССР на конференции «Этнокультурные процессы. Традиции и современность» (Львов), 1986.

новым содержанием (Yurchak 2006). С этой точки зрения наука становится пустой оболочкой, которую заполняют собственным содержанием.

Заключительные размышления: что осталось от попыток создать социалистическую праздничную культуру?

С сегодняшней точки зрения история «новых социалистических праздников и ритуалов» и их научного изучения этнографами различных академических исследовательских институтов в Советском Союзе и ГДР может показаться, на первый взгляд, историей интеллектуалов на службе у партийного и государственного руководства, чьей целью было формирование нового социалистического общества. С другой стороны, однако, сравнение трех контекстов (Москва, Киев и Берлин), в рамках которых этнографы участвовали в разработке «новых социалистических праздников и ритуалов», позволяет выявить различные паттерны, которые показывают, что схожие импульсы в разных ситуациях имели разные значения для действующих лиц. Таким образом, относительно всех стран можно утверждать, что инициатива исследования новых праздников исходила от соответствующих государственных и партийных властей. Однако поставленные государством задачи и, прежде всего, институциональные возможности значительно отличались между Москвой, Киевом и Берлином.

В конце 1950-х годов московские этнографы сначала увидели в «новых праздниках» возможность повысить статус собственной дисциплины и смело ею воспользовались. Однако в логике централизованной плановой экономики для московских (а также ленинградских) «столичных этнографов» начиная с 1960-х годов появились совершенно новые возможности для исследований в «несоциалистических» зарубежных странах, в том числе благодаря деколонизации африканских государств. Начиная с 1960-х годов, в общем объеме исследований, проведенных в Москве, статьи о праздничных культурах отдельных этнических групп Советского Союза едва ли занимали значительное место. Тем не менее, в соответствии с логикой централизованной плановой экономики, именно московские этнографы продолжали демонстрировать свое преимущественное положение в 1970-х годах: центральные доклады на Всесоюзном семинаре по социалистической праздничной культуре в Киеве в 1978 г. и на конференции Международного комитета по этнографическим исследованиям современности в социалистических странах во Львове в 1986 г. были прочитаны учеными из Москвы²⁴. Вновь усилия по организации и изучению «социалистических праздников» были предприняты в период перестройки. С 1986 г. в Институте этнографии Академии наук в Москве существовала межведомственная группа, краткие протоколы которой, однако, дают понять, что эта тема воспринималась в качестве навязанной рутинной работы, о чем говорит также отсутствие у группы каких-либо инициатив в этом направлении в дальнейшем²⁵.

²⁴ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1578. Л. 1: Отчет Л. М. Дробизевой об участии делегации Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая СССР в конференции «Этнокультурные процессы. Традиции и современность» (Львов), 1986.

²⁵ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1621. Л. 1–6: Отчет о деятельности Группы по изучению современных социалистических ритуалов, 1986.

Вместо этого в 1970-х годах центр исследований праздничной культуры переместился в Украинскую ССР, где на него оказывала сильное влияние деятельность Государственной комиссии по новым праздникам и обрядам, подчинявшейся Совету министров Украинской ССР. По воспоминаниям сотрудников Института искусствоведения, фольклористики и этнологии в Киеве, эта интеграция исследований праздничной культуры в структуры Совета министров оказывала огромное влияние на их повседневную работу, вплоть до того, что этнографы на местах воспринимались как сотрудники Совета министров. В нынешней нестабильной в политическом, экономическом и военном отношении ситуации на Украине (интервью были взяты осенью 2016 г.) оценка этого сращивания с государственными структурами неоднозначна по многим причинам: хотя украинские (как и российские) этнографы сохранили свои рабочие места в структурах академии, в отличие от ГДР, они пережили массовый материальный упадок и заодно потерю социальной значимости. В начале 1990-х годов сотрудники Академии наук (как и работники предприятий, которые в то время еще почти полностью принадлежали государству) не получали зарплату, иногда в течение нескольких месяцев. Но также они потеряли и научные ресурсы, такие как оборудование для проведения полевых исследований. Учитывая этот опыт 1990-х и 2000-х годов, доминирующий нарратив в интервью 2016 г. заключался в том, что задействование этнографии в рамках исследований социалистических праздников было приемлемым для академической деятельности ученых: в ее рамках они затем могли проводить и другие исследования. Кроме того, разница между советской практикой и нынешними условиями недофинансированного украинского научного ландшафта уже не кажется огромной с сегодняшней точки зрения в свете новых, теперь уже финансовых ограничений: например, одна этнограф, рассказывая о своем текущем исследовании, упомянула, что ей для проведения полевых исследований бесплатно предоставили автомобиль с изображением одного из кандидатов проходившей тогда региональной избирательной кампании, и она приняла предложение за неимением альтернативы (Интервью с Оленой Боряк). Другая этнограф, работавшая в Отделе по изучению советских праздников и обрядов в 1980-х годах, подчеркивает, что советские праздники в то время хотя бы давали повод для торжеств, в то время как украинские села в настоящее время находятся в режиме выживания (Интервью с Галиной Бондаренко).

Юта Морманн, которая занималась исследованием праздников в ГДР, возвращается к концепции этноса, введенной Ю.В. Бромлеем: она размышляет о том, как постулированная им связь между формированием «этнических особенностей» и «социалистическим образом жизни» должна восприниматься сегодня: «Что могли изменить 40 лет [существования ГДР — У.Х.] в плане формирования этнических особенностей? На мой взгляд, «вопрос об этнических характеристиках остается открытым». Поэтому сегодня необходимы дальнейшие исследования, чтобы выяснить, какие особенности все еще передаются из поколения в поколение после окончания существования ГДР» (Интервью с Юта Морманн). Юта Морманн довольно одинока по сравнению с советскими коллегами в своей позиции, предполагающей, что ритуалы и праздники, пропагандировавшиеся в ГДР, передавались из поколения в поколение. Эти разные ретроспективные взгляды и оценки отражают тот факт, что современные контексты еще более различаются, чем в 1970–1980-е годы.

Ключом к пониманию того значения, которое для сотрудников отдельных академических и университетских учреждений Москвы, Киева и Берлина в то время имели исследования праздничной культуры, является вопрос о ресурсах. В то время как в Москве начиная с 1960-х годов другие направления этнографических исследований хорошо финансировались, а исследования социалистической праздничной культуры потеряли свое значение, в Киеве в 1970–1980-х годах они стали центральной темой в Институте этнографии. Это должно было внести свой вклад в формирование «советской нации» из украинской, которая, как считалось, была сконструирована как ненадежная. Однако исследования, финансируемые таким образом, сделали возможным дальнейшее научное изучение этнических украинских традиций, прерванное в начале 1970-х годов. Несмотря на централизованность социалистических государств, которые трансформировали политические цели в исследовательские программы, сфера науки здесь проявляла себя как поле обоюдного сотрудничества, а не односторонней зависимости, при которой материальные ресурсы обменивались на интеллектуальные (*Brinkel* 2012: 42).

*Перевод с немецкого
С.Е. Васенёва*

Список источников и литературы

Интервью:

Интервью автора статьи с Юта Морманн, 07.08.2019 г. (Бад-Заров).

Интервью автора статьи с Оленой Боряк, 21.11.2016 г. (Киев).

Интервью автора статьи с Валентиной Борисенко, 22.11.2016 (Киев).

Интервью автора статьи с Галиной Бондаренко, 18.11.2016, (Киев).

Интервью автора статьи с Галиной Носовой, 28.03.2017 (Москва).

Интервью автора статьи с Зоей Соколовой, 25.03.2017 (Москва).

Архив Берлинского университета имени Гумбольдта

Сообщение Юта Морманн в Министерство культуры, в отдел клубов и Дома культуры, к ген. Э. Фурманн, от 10.10.1980 г. Архив Берлинского университета имени Гумбольдта, фил. фак. I, файл 7735.

Д-р Мейер, магистрат Берлина, Департамент внутренних дел, — руководителю исторического отдела А. Рюгеру, 30.11.1981 г. Архив Берлинского университета имени Гумбольдта, файл 7735.

Архив Российской академии наук (Москва) (РАН)

- Ф. 2. Оп. 6а. Д. 160. Л. 210–221. Постановление Президиума АН СССР от 17.04.1959 г. «О научной работе в области атеизма».
- Ф. 142. Оп. 1. Д. 1050. Л. 1–81. Стенограмма Расширенного заседания дирекции института этнографии АН СССР: «О теоретических проблемах строительства коммунизма»; 17.03.1959.
- Ф. 142. Оп. 11. Д. 1578. Л. 10: Отчет Л. М. Дробижевой об участии делегации Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая СССР в конференции «Этнокультурные процессы. Традиции и современность» (Львов), 1986.
- Ф. 142. Оп. 11. Д. 1621. Л. 1–6: Отчет о деятельности Группы по изучению современных социалистических ритуалов 1986 г.
- Ф. 142. Оп. 11. Д. 1672. Л. 1–4. Отчет о деятельности Группы по изучению современных социалистических ритуалов 1987 г.
- Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины: Державний Архів Вищих Органів Влади та Управління України (Київ) (ЦГАВОВУ Украины)
- Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 3–8. Программа проведения второго Всесоюзного совещания-семинара по социалистическим праздникам и обрядам, 18–20 октября 1978 г.
- Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 37. Председатель Комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров С. Стеценко, директору Института искусствоведения, фольклора и этнографии имени М.Т. Рылского С. Д. Зубкову, 13.09.1978: Признательность младшим научным сотрудникам отдела этнографии института товарищам Борисенко В. К. и Пашкову Г. Т., 13.09.1978.
- Ф. Р-2. Оп. 13. Д. 2655. Л. 109–111. Справка об оформлении некоторых центральных улиц г. Киева в связи с проведением II-го Всесоюзного совещания-семинара по социалистическим праздникам и торжествам.
- Ф. Р-2. Оп. 14. Д. 6912. Письмо директора Института искусствоведения, фольклористики и этнографии С.Д. Зубкова в Комиссию по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров СССР, 21.06.1982.
- Научный архив Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва) (НА ИЭА РАН)
- Личное дело Иосифа Ароновича Кривелева [без подписи].
- Личное дело Галины Носовой [без подписи].
- Личный архив Юта Морманн (передан по наследству в коллекцию «Государственного управления Берлинско-Бранденбургского фольклора» Института европейской этнологии Берлинского университета имени Гумбольдта в Берлине)

Руководство по проведению интервью № I. Структурированное интервью с руководителями отделов ЗАГС или их заместителями; руководство по проведению интервью № II. Интервью с заявителями; руководство по интервью № III. Наблюдение за участниками и выборочное анкетирование во время процедуры бракосочетания; руководство по интервью № IV. Наблюдение и выборочное анкетирование участников во время церковной свадебной церемонии; руководство по интервью № V. Наблюдение за участниками и анкетирование во время свадебного торжества. Практика FS 1981, III курс, «Свадьбы в Берлине — этнографическое исследование образа жизни в столице». Кафедра этнографии, исторический отдел Берлинского университета имени Гумбольдта, 1017 Берлин, Фриденштр., 3.

Материал для выставки «Свадьбы в Берлине», Дворец Республики, 1981–1982.

Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (Москва) (ЦАОПИМ)

Ф. Р-7349. Оп. 1. Д. 30. Протоколы общих партийных собраний. 13.07.1976.

Газеты

Заключительное слово товарища Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС 5 февраля 1959 г. // Правда. 06.02.1959. С. 1–2.

Об очередных задачах идеологической работы партии // Правда. 22.06.1963. С. 1–2.

Научная литература

Агаширинова С. С., Сергеева Г. А. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана // Советская этнография. 1966. № 4. С. 117–126.

Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / ред. Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 11–80.

Бабанюк В. В. (Ред.). Социалистическая обрядность и формирование нового человека. Киев: Политиздат Украины, 1979.

Борисенко В. К. Нова весільна обрядовість у сучасному селі (на матеріалах південно-східних районів України). Київ, 1979.

Борисенко В. К. Нариси з історії української етнології 1920–1930-х років. Київ, 2002.

Боряк О. Емпіричні дослідження як «ризик шкоди»: теорія і практика впровадження принципів етики польової роботи // Народна творчість та етнографія. 2003. № 5–6. С. 76–88.

Бромлей Ю. В. Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни // Социалистическая обрядность и формирование нового человека / ред. В.В. Бабанюк. Киев: Политиздат Украины, 1979. С. 29–41.

- Бромлей Ю. В. Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / ред. И.А. Крывелев, Д.М. Коган. М.: Наука, 1981. С. 5–28.
- Гагарин Ю. В. Изживание религиозных традиций и формирование новых практических обычаев в Коми АССР // Советская этнография. 1965. № 4. С. 148–159.
- Ганцкая О. А. Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1959 года // Советская этнография. 1960. № 6. С. 149–153.
- Гілевич І. Українська етнографічна наука у першому повоєнному десятилітті та польові дослідження Полісся // Вісник Львівського університету: Серія історична. 2008. № 43. С. 34–53.
- Гілевич І. «Регіональний історико-етнографічний атлас України, Білорусії та Молдавії» і польові дослідження в Україні (середина 1960-х — початок 1970-х рр.) // Народознавчі зошити. 2011. № 3(99). С. 401–412.
- Горленко В. Ф., Зубков С. Д. Актуальні теоретичні проблеми розробки та впровадження нової радянської обрядовості // Народна творчість та етнографія. 1975. № 4.
- Горовой В. Н. (Ред.). Традиции, обряды, современность. Киев: Политиздат Украины, 1983.
- Гошко Ю. Г. (Ред.). Соціалістична обрядовість на Україні: історичний досвід та сучасні проблеми. Київ: Наукова думка, 1983.
- Дмитерко Р. И. Міжнародні та радянські революційні свята на Україні: Історико-етнографічний нарис. Київ: Наукова Думка, 1989.
- Калитс В. Изучение новых семейных обрядов в Эстонской ССР // Советская этнография. 1965. № 4. С. 32–42.
- Кампарс П. П., Закович Н. М. (Ред.). Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967.
- Коган Д. М. Изучение современного колхозного быта центральным отрядом Комплексной научной школы Института истории АН СССР. Колхозы Кировской, Владимирской и Горьковской областей // Советская этнография. 1964. № 5. С. 88–96.
- Комісія по радянських традиціях, святах та обрядах при Раді Міністрів Української РСР (Ред.): Рекомендації до обряду «Урочисте посвячення в хлібороби». Київ: Реклама, 1983.
- Крывелев И. А. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР // Советская этнография. 1961. № 4. С. 30–44.
- Крывелев И. А. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР // Советская этнография. 1963. № 6. С. 16–24.
- Крывелев И. А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении // Советская неоднородность. 1977. № 5. С. 36–45.

- Кривелев И. А., Коган Д. М. (Ред.). Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. Москва: Наука, 1981.
- Курочкін О. В. Новорічні свята українців: традиції і сучасність. Київ: Наукова думка, 1978.
- Наулко В. И. (Ред.). Пошуки. Роздуми. Студії: Збірник вибраних праць до 80-річчя від дня народження. Київ: Український письменник, 2013.
- Носова Г. А. Язычество в православии. М.: Наука, 1975.
- Попов Б. В. (Ред.). Свята та обряди трудящих Києва. Київ, 1982.
- Смоляк А. В. Всесоюзное совещание по вопросам научно-атеистической пропаганды в свете решений XXII съезда КПСС // Советская этнография. 1962. № 4. С. 182–185.
- Смоляк А. В., Соколова З. П. Традиционные и новые праздники и обряды у народов Севера // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / ред. И.А. Кривелев, Д.М. Коган. Москва, 1981. С. 91–107.
- Степаков В. И. Новые праздники и обряды в народный быт. Стенограмма лекции, прочитанной на Всесоюзном совещании-семинаре по советским праздникам и гражданским ритуалам в мае 1963 г. // В помощь лектору. М.: общество «Знание» РСФСР, 1964.
- Терентьева Л. Н. Некоторые итоги работы комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году // Советская этнография. 1960. № 6. С. 153–158.
- Тулцева Л. А. Трудовые обряды и праздники: поиски формы и практика проведения (из Опыта Рязанской области) // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / Ред. И.А. Кривелев, Д.М. Коган. М., 1981. С. 82–91.
- Adler N. Keeping faith with the Party. Communist believers return from the Gulag. Bloomington, 2012.*
- Alymov S. On the Soviet Ethnography of the Soviet Life: The Case of the «Village of Viriatino» // Histories of Anthropology Annual. 2011. Vol. 7 (1). P. 23–48.*
- Alymov S. The Concept of the ‘Survival’ and Soviet Social Science in the 1950s and 1960s // Forum for Anthropology and Culture. 2013. Vol. 9. P. 157–183.*
- Alymov S. World War II and the Cold War as a Context for Discipline Formation: The Case of Soviet Ethnography, 1940s-1960s // In Search of Other Worlds. Essays towards a Cross-Regional History of Area Studies / Ed.K. Naumann. Global history and international studies. Vol. 13. Leipzig, 2019. P. 23–50.*
- Badstübner R. Zu «Erbe und Tradition» in der Geschichte der DDR // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1983. Vol. 31. S. 427–431.*

- Bethge C.* Erste Ergebnisse zu den Veränderungen im Hochzeitsbrauchtum auf der Grundlage eines Fragebogens // Kultur und Lebensweise: Arbeitsmaterial des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte, Volkskunde in der Gesellschaft für Heimatgeschichte im Kulturbund der DDR. 1978. Vol. 1. S. 58–84.
- Beyrau D.* Aus der Subalternität in die Sphären der Macht. Die Juden im Zarenreich und in Sowjetrußland (1860–1930) // Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. / Ed. J. Baberowski. Jahrhundert, Göttingen, 2006. S. 60–93.
- Bonk J.* u. a. Alles hat am Ende sich gelohnt. Material für weltliche Trauerfeiern / Ed. Zentralhaus für Kulturarbeit der DDR. Leipzig, 1972.
- Bonk J.* u. a. Der erste Personalausweis wird überreichen: Material für die Fest- und Feierngestaltung / Ed. Zentralhaus für Kulturarbeit der DDR. Leipzig, 1971.
- Brinkel T.* Volkskundliche Wissensproduktion in der DDR. Zur Geschichte eines Faches und seiner Abwicklung. Zürich; Berlin, 2012.
- Dietrich G.* Kulturgeschichte der DDR. Bd. II: Kultur in der Bildungsgesellschaft 1958–1976. Göttingen, 2018.
- Dietrich G.* Kulturgeschichte der DDR. Bd. III: Kultur in der Konsumgesellschaft 1977–1990. Göttingen, 2018.
- Dok. 341 Neuorganisation und Intensivierung der antireligiösen Propaganda: Beschluss des ZK der KPdSU «Über Maßnahmen zur Intensivierung der atheistischen Erziehung der Bevölkerung» (02.01.1964) / Eds. P. Hauptmann, G. Stricker (1988): Die Orthodoxe Kirche in Rußland. Dokumente ihrer Geschichte (860–1980). Göttingen. S. 836–838.
- Emeliantseva Koller E.* Spaß und Freude zwischen Kontrolle und Agency: Spätsowjetische Feiertage in einer geschlossenen Stadt // Entwickelter Sozialismus in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin / (Ed.) N. Boškovska // Zeitgeschichtliche Forschungen. 2016. Vol. 48. S. 109–142.
- Haber M.* The Soviet Ethnographers as a Social Engineer. Socialist Realism and the Study of Rural Life, 1945–1958 // The Soviet and Post-Soviet Review. 2014. Vol. 41. P. 194–219.
- Hirsch F.* Empire of nations. Ethnographic knowledge & the making of the Soviet Union, Ithaca (Culture & society after socialism). 2005.
- Hofmann J.* Zur Bedeutung volkskundlicher Untersuchungen für die Erforschung der gesellschaftlichen Prozesse bei der Herausbildung und weiteren Entwicklung der sozialistischen Nation in der DDR // Feier- und Festgestaltung als Bestandteil sozialistischer Lebensweise / Ed. H. Hanke. Berlin, 1981. S. 8–11.
- Huhn U.* Die Gegenwart als Geschichte: Interviewtechniken und Oral History in der sowjetischen ethnographischen Forschung der 1950er bis 1980er Jahre // Between Divergent Narratives and National Loyalties: Oral History and Politics of Memory in Eastern Europe (Online-Schriftenreihe «DigiOst») / Eds. H. Hein-Kirchner, J. Obertreis, in press.

- Huhn U.* Glaube und Eigensinn. Volksfrömmigkeit zwischen orthodoxer Kirche und sowjetischem Staat 1941 bis 1960. Wiesbaden, 2014.
- Huhn U.* Mit Ikonen und Gesang oder: Ein Bischof auf der Flucht vor seinem Kirchenvolk. Massenwallfahrten in Russland unter Stalin und Chruschtschow // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 2012. S. 315–333.
- Huhn U.* Parallele Wissenschaft: Die Jüdische Historisch-Ethnografische Kommission und judaistische Forschungen in der späten Sowjetunion // Jahrbuch des Dubnow-Instituts/ Dubnow Institute Yearbook. 2018. Vol. 17. S. 3–32.
- Jacobbeit W.* Zur Aufgabenstellung des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte/Volkskunde im Kulturbund der DDR (Hauptreferat) // Zur Tagung des Kulturbundes der DDR vom 7. — 9. Dezember 1976 in Leipzig über die Aufgaben des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte/Volkskunde (Protokollband), Berlin 1978 / Ed.E. Freitag // Kultur und Lebensweise. 1977. Vol. 1. S. 15–26.
- Keller I.* Die sorbische Volkskunde zwischen 1945 und 1970. Auf der Suche nach neuen Methoden und Konzepten // Zur Situation der Volkskunde 1945–1970. Orientierungen einer Wissenschaft zur Zeit des Kalten Krieges / Ed.J. Moser. Münster, 2015. S. 279–295.
- Kelly C., Sirotnina S.* ‘I didn’t understand, but it was funny’: Late Soviet Festivals and their Impact // Forum for Anthropology and Culture. 2009. Vol. 5. S. 254–300.
- Knight N.* Salvage Biography and the Search for a Usable Past: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror. [Rezension zu D.D. Tumarkin, Repressirovannye ethnografy] // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1 (2). P. 365–375.
- Konzeption des ZFA Kulturgeschichte/Volkskunde der Zentralen Kommission «Natur und Heimat» des Kulturbundes der DDR // Zur Tagung des Kulturbundes der DDR vom 7. — 9. Dezember 1976 in Leipzig über die Aufgaben des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte/Volkskunde (Protokollband). Berlin (1978) / Ed.E. Freitag (1978) // Kultur und Lebensweise. 1977. Vol. 1. S. 8–14.
- Krupnik I.* Arctic Adaptations. Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia, Lebanon (Arctic Visions Series). 2014.
- Lange I.* Von der Wiege bis zur Bahre. Zur Geschichte Sozialistischer Feiern zu Geburt, Ehe und Tod in der DDR // KULTURATION. Online Journal für Kultur, Wissenschaft und Politik. 2004. Vol. 5.
- Marung S.* Peculiar Encounters with the «Black Continent»: Soviet Africanists in the Global 1960s and the Expansion of the Discipline // Self-reflexive area studies (Global history and international studies. Vol. 5) / Ed.M. Middell. Leipzig, 2013. P. 103–134.
- Meier H., Schmidt W.* (Eds.). Erbe und Tradition in der DDR. Die Diskussion der Historiker, Köln (Kleine Bibliothek Geschichte, 501). 1989.
- Miner S. M.* Stalin’s Holy War. Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill, 2003.

- Mohrman U.* Internationale Tagungen des «Komitees für ethnographische Gegenwartsforschung der sozialistischen Länder». Berichte und Mitteilungen // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. 1988. Vol. 31. S. 183–185.
- Mohrman U.* Sitten und Bräuche im Lebenszyklus der DDR-Bürger. Eine volkskundliche Forschungsaufgabe: Zur Formierung der sozialistischen deutschen Nation: Forschungsbeitr., Berlin (Thematische Information und Dokumentation, Reihe A, 42). 1984. S. 110–118.
- Molkenbur N.* (Ed.). Sei willkommen, Kind: Empfehlungen für die Namensweihe. Leipzig (Jedermann-Reihe), 1972.
- Nedo P.* Einführung: Volks- und Heimatfeste, gestern, heute, morgen: Referat und Diskussionsbeiträge einer Beratung, die der Deutsche Kulturbund — Zentrale Kommission Natur- und Heimatfreunde — am 25. und 26. Oktober 1958 in Magdeburg veranstaltete, Berlin // sowie Diskussionsbeitrag. 1959. Vol. 7–8. S. 53–54.
- Orientierung des Ministeriums für Kultur über Leitung, Planung und Methodik von Volksfesten // ZFK-Information: Informationen des Zentralhauses für Kulturarbeit der DDR, Leipzig. 1981. S. 8–16.
- Peris D.* «God is Now on Our Side». The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1 (1). P. 97–118.
- Peris D.* Storming the heavens. The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca, 1998.
- Rawski K.* Die sowjetische Ethnographie 1942–1991. Konzeptionen, Organisation, Praxis und Politik. Hamburg (Schriftenreihe Herodot, Band, Vol. 20). 2018.
- Rolf M.* Das sowjetische Massenfest. Hamburg, 2006.
- Rolf M.* Leere 'Räume des Jubels'. Zur Erosion der Kampagnenöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // «Entwickelter Sozialismus» in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin / Eds. N. Boškowska, A. Strobel, D. Ursprung // *Zeitgeschichtliche Forschungen*. 2016. Vol. 48. S. 83–108.
- Rusch W. & studentische Arbeitsgruppe.* Untersuchungen des Bereiches Ethnographie der Humboldt-Universität zu ethnographischen Gegenwartsproblemen. [Bibliographie] // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1986. Vol. 27. S. 152–160.
- Slezkine Y.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 2016.
- Slezkine Y.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928–1938 // *Current Anthropology*, 1991. Vol. 32(4). P. 476–484.
- Smolkin V.* A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism. Princeton; New Jersey, 2018.
- Stone A. B.* «Overcoming Peasant's Backwardness». The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // *The Russian Review*. 2008. Vol. 67 (2). P. 296–320.

Taubman W. Khrushchev. The man and his era. London, 2004.

Tromly B. An Unlikely National Revival: Soviet Higher Learning and the Ukrainian «Sixtiers.» 1953–65 // *Russian Review*. 2009. Vol. 68 (4). P. 607–622.

Weinhold R. Erkenntnisse aus der volkskundlichen Erforschung des gegenwärtigen Dorfes in den sozialistischen Ländern Europas // *Lëtopis / Institut za Serbski Ludospyt = Jahresschrift des Instituts für Sorbische Volksforschung*. Rjad C 11/12. 1968/1969. S. 264–280.

Yekelchik S. Ukraine. Birth of a modern nation. Oxford; New York, 2007.

Yurchak A. Everything was forever, until it was no more. The last Soviet generation. Princeton, NJ, 2006.

Research Article

Huhn, U. «Using Progressive Ethno-Cultural Traditions to Improve the Socialist Way of Life». The study of socialist holiday culture in the ethnographic institutes of Moscow, Kyiv and Berlin (GDR) [«Ispol'zovanie progressivnykh etnokul'turnykh traditsii dlia sovershenstvovaniia sotsialisticheskogo obraza zhizni». *Issledovanie sotsialisticheskoi prazdnichnoi kul'tury v etnograficheskikh institutakh Moskvy, Kieva i Berlina (GDR)*]. *Anthropologies*, 2022, no 1, pp. 171-205, doi 10.33876/2782-3423/2022-2/171-205

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ulrike Huhn | ulrike.huhn@uni-goettingen.de | <https://orcid.org/0000-0003-1752-4073>
| University of Göttingen, Germany

Keywords

history of ethnography, late socialism, USSR, Ukraine, rites and customs, GDR, socialist culture

Abstract

The socialist ritual and festive culture complex aimed at both strengthening the antireligious everyday life of the population as well as the formation of a «Soviet nation». Since the late 1950s, this state and party driven endeavor also involved ethnographers in different Soviet republics and within the Eastern Bloc. Based on interviews as well as on archival material, the article looks at the motivation, the self-conception and experiences of ethnographers in the different institutes of the academy of sciences in Moskau, Kyiv and in the German Democratic Republic.

This comparative view reveals the very different possibilities for respective researchers. For the Moscow based ethnographers this engagement for a «scientific foundation of new Soviet rituals and feasts» proved to be attractive only in the late 1950s whereas later for them other research areas also beyond the Soviet Union evolved. After the devastating blow against Ukrainian ethnography in the 1930s and the harsh restrictions and discontinuation of new research projects in the early 1970s, very few Ukrainian ethnographers worked at the Academy of Science. For these scholars, the involvement in facilitating the pervasiveness of «Soviet rituals and feasts» remained one of very few research projects available. Though, this involvement and in particular the integration of Ukrainian ethnographers into the State

Commission for new feasts and rituals which was based at the Council of Ministers of the Ukrainian SSR had substantial consequences for their research.

References

- Agashirina, S.S., Sergeeva, G.A. 1966. K voprosu o formirovanii novykh prazdnikov i obriadov u narodov Dagestana [On the formation of new holidays and rituals among the peoples of Dagestan]. *Sovetskaia etnografiia*, 4: 117–126.
- Alymov S. S., Arziutov D. V. 2014. Marksistskaia etnografiia za sem' dnei: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsial'nykh naukakh v 1920–1930-e gody [Marxist ethnography in seven says: a Meeting of ethnographers of Moscow and Leningrad and discussions in Soviet social sciences in the 1920s and 1930s]. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* / Ed. D.V.Arziutov, S.S.Alymov and D.G.Anderson. SPb.: MAE RAN: 11–80.
- Babaniuk, V.V. (Red.). 1979. *Sotsialisticheskaia obriadnost' i formirovanie novogo cheloveka* [Socialist ritual and the formation of a new person]. Kiev: Politizdat Ukrainy.
- Boriak, O. 2003. Empirichni doslidzhennia iak «rizik shkodi»: teoriia i praktika vprovadzhennia printsipiv etiki pol'ovoï roboti [Empirical research as a «risk of harm»: theory and practice of implementing the principles of fieldwork ethics]. *Narodna tvorchist' ta etnografiia*, 5–6: 76–88.
- Borisenko, V.K. 1979. *Nova vesil'na obriadovist' u suchasnomu seli (na materialakh pivdenno-skhidnikh raioniv Ukraïni)* [New wedding ceremony in the modern village (based on the materials of the south-eastern regions of Ukraine)]. Kiïv.
- Borisenko, V.K. 2002. *Naris z istorii ukrains'koï etnologii 1920–1930-kh rokiv [Essays on the history of Ukrainian Ethnology in the 1920s and 1930s]*. Kiïv.
- Bromlei, Iu.V. 1979. *Novaia obriadnost' — vazhnyi komponent sovetskogo obraza zhizni* [The new ritual is an important component of the Soviet way of life]. *Sotsialisticheskaia obriadnost' i formirovanie novogo cheloveka* / red. V.V.Babaniuk. Kiev Politizdat Ukrainy. 29–41.
- Bromlei, Iu.V. 1981. *Novaia obriadnost' — vazhnyi komponent sovetskogo obraza zhizni* [The new ritual is an important component of the Soviet way of life]. *Traditsionnye i novye obiady v bytu narodov SSSR* / red. I.A. Kryvelev, D.M. Kogan. Moscow, Nauka: 5–28.
- Dmiterko, R.I. 1989. *Mizhnarodni ta radians'ki revoliutsiini sviata na Ukraïni: Istoriko-etnografichni naris* [International and Soviet revolutionary holidays in Ukraine: historical and ethnographic essay]. Kiïv: Naukova Dumka.
- Gagarin, Iu.V. 1965. *Izzhivanie religioznykh traditsii i formirovanie novykh prakticheskikh obychev v Komi ASSR* [The elimination of religious traditions and the formation of new practical customs in the Komi ASSR]. *Sovetskaia etnografiia*, 4: 148–159.
- Gantskaia, O.A. 1960. *Sessiia, posviashchennaia itogam polevykh arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï 1959 goda* [Session dedicated to the results of field archaeological and ethnographic research in 1959]. *Sovetskaia etnografiia*, 6: 149–153.

- Gilevich, I. 2008. Ukraïns'ka etnografichna nauka u pershomu poviïnnomu desiatil'itti ta pol'ovi doslidzhennia Polissia [Ukrainian ethnographic Science in the first post-war decade and field research in Polesie]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu, Seriia istorichna*, 43: 34–53.
- Gilevich, I. 2011. «Regional'nii istoriko-etnografichnii atlas Ukraïni, Bilorusii ta Moldavii» i pol'ovi doslidzhennia v Ukraïni (seredina 1960-kh — pochatok 1970-kh rr.) [«Regional historical and ethnographic Atlas of Ukraine, Belarus and Moldova» and field research in Ukraine (mid-1960s-early 1970s)]. *Narodoznavchi zoshiti*, 3(99): 401–412.
- Gorlenko, V.F., Zubkov, S.D. 1975. Aktual'ni teoretichni problemi rozrobki ta vprovadzhenia novoï radians'koï obriadovosti [Actual theoretical problems of the development and implementation of the new Soviet rites]. *Narodna tvorchist' ta etnografiia*, 4.
- Gorovoi V.N. (Red.). 1983. *Traditsii, obriady, sovremennost'* [Traditions, rituals, modernity]. Kiev: Politizdat Ukrainy.
- Goshko, Iu.G. (Red.). 1983. *Sotsialistichna obriadovist' na Ukraïni: istorichnii dosvid ta suchasni problem* [Socialist rites in Ukraine: historical experience and current problems]. Kiïv, Naukova Dumka.
- Kalits, V. 1965. Izuchenie novykh semeinykh obriadov v Estonskoi SSR [Study of new family rituals in the Estonian SSR]. *Sovetskaia etnografiia*, 4: 32–42.
- Kampars, P.P., Zakovich, N.M. (Red.). 1967. *Sovetskaia grazhdanskaia obriadnost'* [Soviet civil rites]. Moscow: Mysl'
- Kogan, D.M. 1964. Izuchenie sovremenogo kolkhoznogo byta tsentral'nym otriadom Kompleksnoi nauchnoi shkoly Instituta istorii AN SSSR. Kolkhozy Kirovskoi, Vladimirovskoi i Gor'kovskoi oblastei [The study of modern collective farm life by the central detachment of the Complex scientific school of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Collective farms of Kirov, Vladimir and Gorky regions]. *Sovetskaia etnografiia*, 5: 88–96.
- Komisiiia po radians'kikh traditsiakh, sviatakh ta obriadakh pri Radi Ministriv Ukraïns'koï RSR (Red.). 1983. *Rekomendatsii do obriadu «Urochiste posviachennia v khliborobi»* [Recommendations for the rite of «solemn initiation into farmers»]. Kiïv: Reklama.
- Kryvelev, I.A. 1961. Preodolenie religiozno-bytovykh perezhitkov u narodov SSSR [Overcoming religious and everyday survivals among the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, 4: 30–44.
- Kryvelev, I.A. 1963. O formirovanii i rasprostranении novykh obychev i prazdnikov u narodov SSSR [On the formation and spread of new customs and holidays among the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, 6: 16–24.
- Kryvelev, I.A. 1977. Sovremennye obriady i rol' etnograficheskoi nauki v ikh izuchenii, formirovanii i vnedrenii [Modern rituals and the role of ethnographic science in their study, formation and implementation]. *Sovetskaia neodnorodnost'*, 5: 36–45.

- Kryvelev, I.A., Kogan, D.M. (Red.). 1981. *Traditsionnye i novye obriady v bytu narodov SSSR* [Traditional and new rituals in the life of the peoples of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Kurochkin, O.V. 1978. *Novorichni sviata ukraïntsiv: traditsii i suchasnist'* [New Year's holidays of Ukrainians]. Kiïv: Naukova Dumka.
- Naulko, V.I. (Red.). 2013. *Poshuki. Rozdumi. Studii: Zbirnik vibranikh prats' do 80-richchia vid dnia narodzhennia* [Searches. Reflections. Studies: collection of selected works dedicated to the 80th anniversary of his birth]. Kiïv: Ukraïns'kii pis'mennik.
- Nosova, G.A. 1975. *Iazychestvo v pravoslavii* [Paganism in Orthodoxy]. M: Nauka.
- Popov, B.V. (Red.). 1982. *Sviata ta obriadi trudiashchikh Kieva* [Holidays and rituals of workers in Kiev]. Kiïv.
- Smoliak, A.V. 1962. Vsesoiuznoe soveshchanie po voprosam nauchno-ateisticheskoi propagandy v svete reshenii XXII s'ezda KPSS [All-Union meeting on scientific and atheistic propaganda in the light of the decisions of the XXII Congress of the CPSU]. *Sovetskaia etnografiia*, 4: 182–185.
- Smoliak, A.V., Sokolova, Z.P. 1981. Traditsionnye i novye prazdniki i obriady u narodov Severa [Traditional and new holidays and rituals among the peoples of the North]. *Traditsionnye i novye obriady v bytu narodov SSSR* / red. I.A. Kryvelev, D.M. Kogan. M.: 91–107.
- Stepakov, V.I. 1964. Novye prazdniki i obriady v narodnyi byt. Stenogramma lektsii, pročitannoi na Vsesoiuznom soveshchaniï-seminare po sovetskim prazdnikam i grazhdanskim ritualam v mae 1963 g. [New holidays and rituals in folk life. Transcript of a lecture delivered at the All-Union Meeting-seminar on Soviet Holidays and Civil Rituals in May 1963]. *V pomoshch' lektoru*. M.: obshchestvo «Znanie» RSFSR.
- Terent'eva, L.N. 1960. Nekotorye itogi raboty kompleksnoi ekspeditsii Instituta etnografii AN SSSR v 1959 godu [Some results of the complex expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in 1959]. *Sovetskaia etnografiia*, 6: 153–158.
- Tul'tseva, L.A. 1981. Trudovye obriady i prazdniki: poiski formy i praktika provedeniia (iz opyta Riazanskoï oblasti) [Labor rites and holidays: the search for a form and the practice of conducting (from the experience of the Ryazan region)]. *Traditsionnye i novye obriady v bytu narodov SSSR* / red. I.A. Kryvelev, D.M. Kogan. M.: 82–91.
- Adler, N. 2012. *Keeping faith with the Party. Communist believers return from the Gulag*. Bloomington.
- Alymov, S. 2011. On the Soviet Ethnography of the Soviet Life: The Case of the «Village of Viriatino». *Histories of Anthropology Annual*, 7 (1): 23–48.
- Alymov, S. 2013. The Concept of the 'Survival' and Soviet Social Science in the 1950s and 1960s. *Forum for Anthropology and Culture*, 9: 157–183.

- Alymov, S. 2019. World War II and the Cold War as a Context for Discipline Formation: The Case of Soviet Ethnography, 1940s-1960s. *In Search of Other Worlds. Essays towards a Cross-Regional History of Area Studies* / Ed.K. Naumann. Global history and international studies, 13. Leipzig: 23–50.
- Badstübner, R. 1983. Zu «Erbe und Tradition» in der Geschichte der DDR [«Heritage and tradition» in the history of the GDR]. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 31: 427–431.
- Bethge, C. 1978. Erste Ergebnisse zu den Veränderungen im Hochzeitsbrauchtum auf der Grundlage eines Fragebogens [First results on the changes in wedding customs based on a questionnaire]. *Kultur und Lebensweise: Arbeitsmaterial des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte, Volkskunde in der Gesellschaft für Heimatgeschichte im Kulturbund der DDR*, 1: 58–84.
- Beyrau, D. 2006. Aus der Subalternität in die Sphären der Macht. Die Juden im Zarenreich und in Sowjetrußland (1860–1930) [From subalternity to the spheres of power. The Jews in the Tsarist Empire and in Soviet Russia (1860–1930)]. *Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20* / Ed.J. Baberowski. Jahrhundert, Göttingen: 60–93.
- Bonk, J. u. a. 1972. *Alles hat am Ende sich gelohnt. Material für weltliche Trauerfeiern* [Everything was worth it in the end. Material for secular funeral ceremonies] / Ed. Zentralhaus für Kulturarbeit der DDR. Leipzig.
- Bonk, J. u. a. 1971. *Der erste Personalausweis wird überreichen: Material für die Fest- und Fei ergestaltung* [The first identity card will be presented: material for the celebration] / Ed. Zentralhaus für Kulturarbeit der DDR. Leipzig.
- Brinkel, T. 2012. *Volkskundliche Wissensproduktion in der DDR. Zur Geschichte eines Faches und seiner Abwicklung* [Ethnography Knowledge production in der DDR. The history of a subject and its handling]. Zürich; Berlin.
- Dietrich, G. 2018. Kulturgeschichte der DDR. Bd. II: Kultur in der Bildungsgesellschaft 1958–1976 [Cultural history of the GDR. Vol. II: Culture in the Educational Society 1958–1976]. Göttingen.
- Dietrich, G. 2018. Kulturgeschichte der DDR. Bd. III: Kultur in der Konsumgesellschaft 1977–1990 [Cultural history of the GDR. Vol. III: Culture in the Consumer Society 1977–1990]. Göttingen.
- Dok. 341 Neuorganisation und Intensivierung der antireligiösen Propaganda: Beschluss des ZK der KPdSU «Über Maßnahmen zur Intensivierung der atheistischen Erziehung der Bevölkerung» (02.01.1964) / Eds. P. Hauptmann, G. Stricker (1988): Die Orthodoxe Kirche in Rußland. Dokumente ihrer Geschichte (860–1980) [Reorganization and intensification of anti-religious propaganda: Decision of the CPSU Central Committee «On Measures to intensify the atheistic education of the Population» (02.01.1964) / Eds. P. Hauptmann, G. Stricker (1988): The Orthodox Church in Russia. Documents of their history (860–1980)]. Göttingen: 836–838.
- Emeliantseva Koller, E. 2016. Spaß und Freude zwischen Kontrolle und Agency: Spätsovjeteische Feiertage in einer geschlossenen Stadt [Fun and joy between control and agency: late Soviet holidays in a closed city]. *Entwickelter Sozialismus in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit*, Berlin / Ed.N. Boškowska. *Zeitgeschichtliche Forschungen*, 48: 109–142.

- Freitag, E. (Ed.). 1977. Konzeption des ZFA Kulturgeschichte/Volkskunde der Zentralen Kommission «Natur und Heimat» des Kulturbundes der DDR [Conception of the ZFA Kulturgeschichte/Volkskunde of the Central Commission «Nature and Homeland» of the Kulturbund of the GDR]. Zur Tagung des Kulturbundes der DDR vom 7. — 9. Dezember 1976 in Leipzig über die Aufgaben des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte/Volkskunde (Protokollband). Berlin (1978). *Kultur und Lebensweise*, 1: 8–14.
- Haber, M. 2014. The Soviet Ethnographers as a Social Engineer. Socialist Realism and the Study of Rural Life, 1945–1958. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 41: 194–219.
- Hirsch, F. 2005. Empire of nations. *Ethnographic knowledge & the making of the Soviet Union*, Ithaca.
- Hofmann, J. 1981. Zur Bedeutung volkskundlicher Untersuchungen für die Erforschung der gesellschaftlichen Prozesse bei der Herausbildung und weiteren Entwicklung der sozialistischen Nation in der DDR [The importance of folklore studies for the study of social processes in the formation and further development of the socialist nation in the GDR]. *Feier- und Festgestaltung als Bestandteil sozialistischer Lebensweise* / Ed.H. Hanke. Berlin: 8–11.
- Huhn, U. Die Gegenwart als Geschichte: Interviewtechniken und Oral History in der sowjetischen ethnographischen Forschung der 1950er bis 1980er Jahre [The Present as history: interview techniques and oral history in Soviet ethnographic research from the 1950s to the 1980s]. *Between Divergent Narratives and National Loyalties: Oral History and Politics of Memory in Eastern Europe (Online-Schriftenreihe «DigiOst»)* / Eds. H. Hein-Kirchner, J. Obertreis. (in press).
- Huhn, U. 2014. *Glaube und Eigensinn. Volksfrömmigkeit zwischen orthodoxer Kirche und sowjetischem Staat 1941 bis 1960* [Faith and obstinacy. Popular piety between the Orthodox Church and the Soviet state from 1941 to 1960]. Wiesbaden.
- Huhn, U. 2012. Mit Ikonen und Gesang oder: Ein Bischof auf der Flucht vor seinem Kirchenvolk. Massenwallfahrten in Russland unter Stalin und Chruschtschow [With icons and singing or: A bishop on the run from his church people. Mass pilgrimages in Russia under Stalin and Khrushchev]. *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*: 315–333.
- Huhn, U. 2018. Parallele Wissenschaft: Die Jüdische Historisch-Ethnografische Kommission und judaistische Forschungen in der späten Sowjetunion [Parallel Science: The Jewish Historical-Ethnographic Commission and Judaistic Research in the Late Soviet Union]. *Jahrbuch des Dubnow-Instituts/Dubnow Institute Yearbook*, 17: 3–32.
- Jacobeit W. 1977. Zur Aufgabenstellung des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte/Volkskunde im Kulturbund der DDR (Hauptreferat) [The task of the Central Committee for Cultural History/Folklore in the Cultural Association of the GDR (main presentation)]. *Zur Tagung des Kulturbundes der DDR vom 7.– 9. Dezember 1976 in Leipzig über die Aufgaben des Zentralen Fachausschusses Kulturgeschichte/Volkskunde (Protokollband)*, Berlin 1978 / Ed.E. Freitag // *Kultur und Lebensweise*, 1: 15–26.
- Keller, I. 2015. Die sorbische Volkskunde zwischen 1945 und 1970. Auf der Suche nach neuen Methoden und Konzepten [Sorbian folklore between 1945 and 1970. In search of new methods and concepts]. *Zur Situation der Volkskunde 1945–1970. Orientierungen einer Wissenschaft zur Zeit des Kalten Krieges* / Ed.J. Moser. Münster: 279–295.

- Kelly, C., Sirotinina, S. 2009. 'I didn't understand, but it was funny': Late Soviet Festivals and their Impact. *Forum for Anthropology and Culture*, 5: 254–300.
- Knight, N. 2000. Salvage Biography and the Search for a Usable Past: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror. [Rezension zu D.D. Tumarkin, *Repressirovannyye ethnografy*]. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 1(2): 365–375.
- Krupnik, I. 2014. *Arctic Adaptations. Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia, Lebanon* (Arctic Visions Series).
- Lange, I. 2004. Von der Wiege bis zur Bahre. Zur Geschichte Sozialistischer Feiern zu Geburt, Ehe und Tod in der DDR [From the cradle to the stretcher. The History of Socialist Celebrations of Birth, Marriage and death in the GDR]. *KULTURATION. Online Journal für Kultur, Wissenschaft und Politik*, 5.
- Marung, S. 2013. Peculiar Encounters with the «Black Continent»: Soviet Africanists in the Global 1960s and the Expansion of the Discipline. *Self-reflexive area studies (Global history and international studies)*. / Ed.M. Middell. Leipzig, 5:103–134.
- Meier, H., Schmidt, W. (Eds.). 1989. *Erbe und Tradition in der DDR. Die Diskussion der Historiker* [Heritage and tradition in the GDR. The discussion of historians]. Köln (Kleine Bibliothek Geschichte, 501).
- Miner, S.M. 2003. *Stalin's Holy War. Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945*. Chapel Hill.
- Mohrmanm, U. 1988. Internationale Tagungen des «Komitees für ethnographische Gegenwartsforschung der sozialistischen Länder». Berichte und Mitteilungen [International meetings of the «Committee for Contemporary Ethnographic Research of the Socialist Countries». Reports and Communications]. *Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte*, 31: 183–185.
- Mohrmanm, U. 1984. Sitten und Bräuche im Lebenszyklus der DDR-Bürger. Eine volkskundliche Forschungsaufgabe: Zur Formierung der sozialistischen deutschen Nation: Forschungsbeitr. [Customs and traditions in the life cycle of GDR citizens. A folkloristic research task: Towards the formation of the Socialist German nation: Research contributions]. Berlin (Thematische Information und Dokumentation, Reihe A, 42):110–118.
- Molkenbur, N. (Ed.). 1972. *Sei willkommen, Kind: Empfehlungen für die Namensweihe* [Be welcome, child: recommendations for the consecration of the name]. Leipzig (Jedermann-Reihe).
- Nedo, P. 1959. Einführung: Volks- und Heimatfeste, gestern, heute, morgen: Referat und Diskussionsbeiträge einer Beratung, die der Deutsche Kulturbund [Introduction: Folk and local festivals, yesterday, today, tomorrow: presentation and discussion contributions of a consultation organised by the German Cultural Association]. *Zentrale Kommission Natur- und Heimatfreunde — fam 25. und 26. Oktober 1958 in Magdeburg veranstaltete*, Berlin / sowie Diskussionsbeitrag, 7–8: 53–54.
- Orientierung des Ministeriums für Kultur über Leitung, Planung und Methodik von Volksfesten [Orientation of the Ministry of Culture on the direction, planning and methodology of folk festivals] 1981. *ZFK-Information: Informationen des Zentralhauses für Kulturarbeit der DDR*, Leipzig: 8–16.

- Peris, D. 2000. «God is Now on Our Side». The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 1(1): 97–118.
- Peris, D. 1998. *Storming the heavens. The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca.
- Rawski, K. 2018. *Die sowjetische Ethnographie 1942–1991. Konzeptionen, Organisation, Praxis und Politik* [Soviet ethnography 1942–1991. Concepts, organization, practice and politics]. Hamburg (Schriftenreihe Herodot, 20).
- Rolf, M. 2006. *Das sowjetische Massenfest* [The Soviet mass festival]. Hamburg.
- Rolf, M. 2016. Leere ‘Räume des Jubels’. Zur Erosion der Kampagnenöffentlichkeit in der späten Sowjetunion [Empty ‘spaces of jubilation’. The erosion of the campaign public in the late Soviet Union] / Eds. N. Boškovska, A. Strobel, D. Ursprung. «*Entwickelter Sozialismus*» in Osteuropa. *Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin Zeitgeschichtliche Forschungen* 48: 83–108.
- Rusch, W. & studentische Arbeitsgruppe. 1986. Untersuchungen des Bereiches Ethnographie der Humboldt-Universität zu ethnographischen Gegenwartsproblemen [Bibliographie] [Investigations of the Department of Ethnography of the Humboldt University on contemporary ethnographic problems [Bibliography]]. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 27: 152–160.
- Slezkine, Y. 2016. *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
- Slezkine, Y. 1991. The Fall of Soviet Ethnography, 1928–1938. *Current Anthropology*, 32(4): 476–484.
- Smolkin V. 2018. *A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism*. Princeton; New Jersey.
- Stone, A.B. 2008. «Overcoming Peasant’s Backwardness». The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *The Russian Review*, 67(2): 296–320.
- Taubman, W. 2004. *Khrushchev. The man and his era*. London.
- Tromly, B. 2009. An Unlikely National Revival: Soviet Higher Learning and the Ukrainian «Sixtiers,» 1953–65 // *Russian Review*, 68(4): 607–622.
- Weinhold, R. 1968/1969. Erkenntnisse aus der volkskundlichen Erforschung des gegenwärtigen Dorfes in den sozialistischen Ländern Europas [Findings from the folklore research of the current village in the socialist countries of Europe]. *Lětopis / Institut za Serbski Ludospyt = Jahresschrift des Instituts für Sorbische Volksforschung*, C, 11/12: 264–280.
- Yekelchik, S. 2007. *Ukraine. Birth of a modern nation*. Oxford; New York.
- Yurchak, A. 2006. *Everything was forever, until it was no more. The last Soviet generation*. Princeton, NJ.

